

Джон Гришэм

Блюстители

Его обвинили в убийстве, которого он не совершал.
Только чудо может помочь ему.

Гришэм: лучшее

Джон Гришэм

Блюстители

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Блюстители / Д. Гришэм — «Издательство АСТ»,
2019 — (Гришэм: лучшее)

ISBN 978-5-17-134533-4

22 года назад Куинси Миллер был приговорен к пожизненному заключению без права досрочного освобождения. Его обвинили в жестоком убийстве Кита Руссо, адвоката из небольшого города во Флориде. В этом деле не было ни надежных свидетелей, ни внятного мотива, а единственная улика сгорела в пожаре незадолго до суда. Теперь у Куинси появляется шанс выйти на свободу. За дело берется Каллен Пост – адвокат из фонда «Блюститель». За двенадцать лет работы организация реабилитировала восемь человек, отправленных в тюрьму в результате судебной ошибки, и Пост верит, что Миллер станет девятым. Однако за убийством Руссо стоят могущественные и безжалостные люди, которые предпочитают, чтобы в тюрьме умер невиновный человек, а не один из них. 22 года назад они спустили курок – и не задумываясь сделают это снова...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134533-4

© Гришэм Д., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	54
Глава 12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джон Гришэм Блюстители

John Grisham
The Guardians

© Belfry Holdings, Inc., 2019

© Перевод. А. Загорский, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

*Посвящается Джеймсу Макклоски, который занимается
реабилитацией и освобождением невинно осужденных*

Глава 1

Дьюк Рассел невиновен в чудовишных преступлениях, за которые был осужден. Тем не менее за них ему вынесли смертный приговор, и он будет приведен в исполнение через час и сорок четыре минуты. Как всегда в такие ужасные ночи, кажется, будто стрелки часов движутся все быстрее по мере того, как приближается назначенное для казни время. Я дважды прошел через такой обратный отсчет в других штатах. В одном из этих случаев он был доведен до конца, а мой подзащитный произнес свое последнее слово и умер. В другом – отсчет был чудом остановлен.

На сей раз он не будет доведен до конца, во всяком случае этой ночью. Возможно, когда-нибудь представители властей штата Алабама и прикажут подать Дьюку его последний завтрак, обед или ужин, после чего ему в вену вонзится игла с ядом, но сегодня ночью этого точно не случится. Дьюк ожидает приведения смертного приговора в исполнение всего девять лет. Средний показатель в этом штате – пятнадцать. Но и двадцать не считается необычно длинным сроком. По делу Дьюка Рассела в Одиннадцатом округе штата Атланта подана апелляция, и, когда через час она ляжет на стол судебного чиновника, к которому должна попасть, казнь будет отложена. Дьюка снова вернут в камеру, где его ждут ужасы одиночного заключения, и он продолжит жить – чтобы умереть в какой-нибудь другой день.

Дьюк Рассел является моим клиентом уже четыре года. Команда его защиты включает в себя гигантскую юридическую фирму из Чикаго, которая отработала на него тысячи часов бесплатно, и выступающую против смертной казни небольшую группу активистов из Бирмингема – она одновременно берется за слишком много дел, и потому ее участники буквально разрываются на части. Четыре года назад, придя к выводу, что Дьюк Рассел невиновен, я как адвокат взял на себя роль координатора действий по защите его интересов. Сейчас я веду пять дел, и все они, по моему мнению, связаны с судебными ошибками.

Я своими глазами видел, как одного из моих подзащитных казнили, однако по-прежнему считаю, что он был невиновен. Просто мне не удалось это вовремя доказать. Думаю, одного достаточно.

В третий раз за сегодняшний день я вхожу в то крыло тюрьмы, где находится камера смертников штата Алабама, и останавливаюсь перед рамкой металлодетектора, установленного у входной двери, перед которой стоят двое хмурых охранников. В руках у одного из них планшет, куда заносятся фамилии посетителей. Секьюрити разглядывает меня с таким видом, словно забыл, как меня зовут, хотя в последний раз я приходил сюда два часа назад.

– Пост, Каллен Пост, – говорю я, обращаясь к этому тупице. – Я к Дьюку Расселу.

Охранник изучает планшет так внимательно, будто там действительно можно обнаружить некую важную информацию, находит нужную строчку и кивает в сторону пластиковой корзинки, стоящей на подвижной ленте, какие часто используют в магазинах. Я, как и во время своего предыдущего посещения, кладу в корзинку свой чемоданчик и сотовый телефон.

– Часы и ремень тоже? – спрашиваю с едва заметной издевкой.

– Нет, – бурчит секьюрити, сделав над собой усилие.

Я шагаю сквозь рамку металлодетектора и успешно прохожу проверку. Вот так, адвокату, пытающемуся доказать невинность заключенного, в данном случае мне, еще раз удастся без оружия, соблюдая все правила, пробраться в помещение, где содержатся заключенные, приговоренные к смерти. Забрав из корзины свой чемоданчик и сотовый телефон, я иду следом за вторым охранником по пустому, чисто вымытому коридору к решетке, которая высится от пола до потолка. Охранник кивает мне, щелкает замком, решетчатая дверь сдвигается в сторону, и мы продолжаем свой путь по коридору, ведущему в глубь убогого здания. Свернув за угол, оказываемся перед сплошной, без окошка, стальной дверью. Здесь уже стоят несколько

мужчин. Четверо из них в полицейской форме, двое – в обычных гражданских костюмах. Один из последних – начальник тюрьмы.

Он мрачно смотрит на меня и делает шаг в мою сторону.

– У вас найдется минутка? – интересуется он.

– Времени у меня совсем мало, – отвечаю я.

Мы отходим в сторону, чтобы побеседовать с глазу на глаз. Начальник тюрьмы – неплохой человек, он просто выполняет свою работу. Однако она для него пока новая, и ему никогда не приходилось руководить процедурой исполнения смертного приговора. Но, так или иначе, в данной ситуации он враг, мой и моего подзащитного, и, чего бы он от меня ни хотел, этого не получит.

Мы приближаемся друг к другу вплотную, словно приятели.

– Ну, и что дальше? – шепотом произносит начальник тюрьмы.

Я оглядываюсь вокруг, будто хочу получше оценить обстановку, и отвечаю:

– Ну, не знаю. По-моему, все свидетельствует о том, что состоится казнь.

– Да ладно вам, Пост. Наши юристы утверждают, что на сей раз все получится.

– Ваши юристы – идиоты. Мы уже об этом говорили.

– Ну же, Пост! Каковы сейчас шансы?

– Пятьдесят на пятьдесят. – Я прекрасно понимаю, что это ложь.

Мои слова озадачивают начальника тюрьмы, и он явно не знает, что сказать.

– Я бы хотел повидать своего клиента, – продолжаю я.

– Да, конечно, – довольно громко отвечает он, напуская на себя разочарованный вид.

Нельзя, чтобы остальные видели, что начальник тюрьмы со мной в той или иной форме сотрудничает, поэтому, резко отпрянув от меня, он отходит в сторону, будто чем-то рассержен. Охранники расступаются, и один из них открывает стальную дверь.

В камере для приговоренных Дьюк Рассел лежит на кровати, закрыв глаза. В праздничные дни тюремные правила позволяют ему держать в камере маленький цветной телевизор и смотреть по нему все, что захочет. Сейчас телевизор работает, но звук выключен. На экране по кабельному каналу показывают новости о лесных пожарах в западной части страны. То, что идет отсчет времени, оставшегося до казни Дьюка, в общенациональном масштабе не слишком заметное событие.

В каждом штате, где существует смертная казнь, имеются свои нелепые ритуалы, предусмотренные на период между назначением времени исполнения приговора и самой процедурой. Все они рассчитаны на то, чтобы сделать этот промежуток времени максимально драматичным. Здесь, в штате Алабама, например, власти позволяют приговоренному принимать близких родственников. Встречи с ними происходят в просторном специальном помещении и без какого-либо ограничения в степени контакта. В 10 часов вечера заключенного переводят в камеру смертников, которая расположена рядом с помещением для исполнения приговора, где осужденного должны убить. Вместе с ним там могут находиться священник и адвокат, но только они, и никто больше. Еду, предназначенную для последнего приема пищи, приносят примерно в 10.30. Заключенный может заказать все, что угодно, за исключением алкоголя.

– Ну, как вы? – спрашиваю я Дьюка, когда он садится на кровати и улыбается.

– Никогда не чувствовал себя лучше. Есть какие-нибудь новости?

– Пока нет, однако я не теряю оптимизма. Думаю, вскоре мы услышим что-нибудь интересное.

Дьюк – белый мужчина, ему тридцать восемь лет. До ареста по подозрению в изнасиловании и убийстве в его криминальном досье имелось лишь два эпизода, когда он попался на вождении в нетрезвом состоянии, да целая пачка штрафов за превышение скорости. Никаких насильственных преступлений. По молодости Дьюк Рассел был любителем вечеринок и буянном, но, проведя девять лет в одиночной камере, стал намного спокойнее. Моя работа заклю-

чается в том, чтобы добиться его освобождения, однако на данный момент эта цель кажется мечтой сумасшедшего.

Взяв пульт от телевизора, я переключаю каналы, пока не нахожу тот, по которому передают бирмингемские новости, но звук по-прежнему тихий.

– У вас вид уверенного в себе человека, – замечает Дьюк.

– Я могу себе это позволить. Не мне собираются воткнуть в вену иголку с ядом.

– Забавный вы человек, Пост.

– Расслабьтесь, Дьюк.

– Расслабиться? – немного удивленно переспрашивает меня он и, встав, снова улыбается.

Вид у него действительно спокойный, учитывая ситуацию. – Вы помните Лаки Скелтона? – с легким смешком интересуется он.

– Нет.

– Через пять лет они все-таки добрались до него, но до этого им пришлось три раза приносить ему еду для последнего приема пищи. Перед тем как Лаки Скелтона отправили на тот свет, он три раза, можно сказать, всходил на эшафот. И всякий раз заказывал пиццу с колбасой и вишневую кока-колу.

– А что заказали вы?

– Стейк и жареный картофель с шестью банками пива.

– На пиво я бы на вашем месте не рассчитывал.

– Вы вытащите меня отсюда, Пост?

– Не сегодня, но я работаю над этим.

– Если я выйду на свободу, то отправлюсь прямым ходом в бар и буду пить холодное пиво до полной отключки.

– Я пойду с вами. А вот и губернатор.

На экране появляется губернатор Алабамы, и я прибавляю звук.

Глава исполнительной власти штата стоит перед целым пучком микрофонов и под прицелом объективов многочисленных камер. Темный костюм, пестрый, по моде, галстук, белая рубашка, аккуратно причесанные и идеально уложенные с гелем волосы. Прямо-таки человек из предвыборного рекламного ролика. С сумрачным видом, давая понять, что ему приходится решать много сложных проблем, губернатор произносит:

– Я еще раз внимательно изучил дело мистера Рассела и подробно обсудил его с теми, кто проводил следствие. Кроме того, встретился с семьей Эмили Брун, жертвы преступлений мистера Рассела. Ее родственники выступают резко против помилования. Проанализировав все аспекты данного дела, я принял решение оставить приговор в силе. Решение суда не меняется. Такова воля народа. В помиловании мистеру Расселу отказано.

Произнеся эту короткую речь с драматическими интонациями и максимально возможной для него артистичностью, губернатор кивает и делает несколько шагов назад от микрофонов и объективов фото- и телекамер. Представление, устроенное им, окончено. Затем Элвис покидает здание, где было сделано заявление. Три дня назад он нашел время, чтобы встретиться со мной, и уделил мне пятнадцать минут, после чего обсудил подробности нашего «приватного» разговора с наиболее приближенными к нему репортерами.

Если бы он действительно еще раз внимательно изучил дело Дьюка Рассела, то понял бы, что осужденный не имеет никакого отношения к изнасилованию и убийству Эмили Брун, совершенным одиннадцать лет назад. Я снова нажимаю кнопку на пульте, убирающую звук, и усмехаюсь:

– Ну, здесь без сюрпризов.

– А было такое, чтобы он вообще когда-нибудь кого-либо помиловал? – спрашивает Дьюк.

– Разумеется, нет.

Раздается громкий стук, и дверь камеры распахивается. Входят двое охранников, один из них толкает перед собой тележку с едой для последней трапезы осужденного. Оставив тележку, тюремщики удаляются. Взглянув на стейк, жареный картофель и довольно тонкий кусок шоколадного торта, Дьюк вздыхает:

– Пива нет.

– Наслаждайтесь холодным чаем.

Присев на кровать, Дьюк Рассел принимается за еду. Пахнет она восхитительно, и я вдруг вспоминаю, что не ел уже по меньшей мере двадцать четыре часа.

– Картофель хотите? – спрашивает Дьюк.

– Нет, спасибо.

– Я не могу съесть это все. У меня почему-то нет аппетита.

– Как ваша матушка?

Осужденный запикивает в рот большой кусок стейка и медленно жует.

– Вообще-то не очень, что, как вы понимаете, неудивительно. Она постоянно плакала. Все это было ужасно.

У меня в кармане начинает вибрировать сотовый телефон. Я достаю его, смотрю на экран, чтобы понять, кто звонит, и говорю:

– Ну, наконец-то.

Затем я улыбаюсь Дьюку и здороваюсь со звонящим. Это тот самый сотрудник суда из Одиннадцатого округа штата Алабама, человек, которого я хорошо знаю. Он сообщает мне, что его босс только что подписал ордер, откладывающий казнь на том основании, что необходимо дополнительное время, дабы определить, было ли судебное разбирательство по делу Дьюка Рассела справедливым и беспристрастным. Я интересуюсь, когда будет объявлено об отсрочке казни, и получаю ответ, что это будет сделано немедленно.

Я смотрю на своего клиента и произношу:

– Вы получили отсрочку. Так что сегодня никаких уколов. Сколько вам нужно времени, чтобы доест стейк?

– Пять минут, – с широкой улыбкой отвечает мой подзащитный и отрезает себе очередной кусок мяса.

– Вы можете дать мне десять минут? – спрашиваю я у своего телефонного собеседника. – Мой клиент хотел бы покончить со своей последней трапезой.

Какое-то время мы препираемся и в итоге сходимся на семи минутах. Я благодарю позвонившего, заканчиваю разговор и сразу набираю на клавиатуре телефона другой номер.

– Ешьте побыстрее, – говоря я Дьюку Расселу. У него вдруг появился аппетит, и он громко пыхтит и чавкает, словно свинья у кормушки.

Человек, которому Дьюк обязан своим несправедливым приговором, – прокурор из небольшого городка, его зовут Чэд Фолрайт. Сейчас он находится в здании администрации тюрьмы в полумиле от меня и с нетерпением ждет наступления важного момента в своей карьере. Чэд Фолрайт полагает, что в 11.30 его вместе с членами семьи Брун и местным шерифом сопроводят к тюремному фургону, отвезут в строение, где находится помещение для исполнения приговоров, и отведут в комнатку с большим окном, задернутым занавеской. Вероятно, Чэд думает, что, если он окажется там, ему останется только дожидаться момента, когда Дьюка пристегнут ремнями к носилкам и введут ему в вены иглы, после чего занавеску нарочито медленно, для драматического эффекта, отдернут.

Для прокурора нет большего удовлетворения, чем стать свидетелем того, как казнят преступника, для которого он добился обвинительного приговора и которого отправил в камеру смертников.

Чэду, однако, пока не суждено пережить эти волнующие эмоции. Я быстро набираю его номер, и он снимает трубку практически сразу.

– Это Пост, – произношу я. – Я сейчас в блоке смертников, и у меня кое-какие плохие новости. Одиннадцатый округ распорядился отложить исполнение приговора. Так что, похоже, вам придется ползти обратно в Верону, поджав хвост.

Фолрайт явно потрясен.

– Какого черта? – с трудом выговаривает он.

– Вы слышали меня, Чэд. Ваше дутое обвинение разваливается. Больше вам к Дьюку не подобраться. Хотя, надо признать, на сей раз вы, черт побери, были очень близки к тому, чтобы снять с него скальп. Одиннадцатый округ сомневается, что процесс над Дьюком Расселом можно назвать справедливым судом в обычном, общепринятом понимании этого выражения. Они отправляют дело обратно для повторного рассмотрения. Все кончено, Чэд. Извините, что не дал вам насладиться триумфом.

– Это шутка, Пост?

– Блок смертников – самое подходящее место, чтобы повеселиться. Целый день вы получали удовольствие от бесед с репортерами, а теперь порауйтесь тому, что сообщил вам я.

Сказать, что я испытываю отвращение к своему телефонному собеседнику, – это не сказать ничего.

Закончив разговор с ним, я смотрю на Дьюка, который продолжает пировать.

– Вы можете позвонить моей матери? – спрашивает он с набитым ртом.

– Нет. Частные звонки отсюда не совершают даже юристы. Но она скоро обо всем узнает.

Так что поторопитесь.

Дьюк запивает остатки мяса и жареного картофеля холодным чаем и принимается за шоколадный торт. Я беру в руки пульт от телевизора и включаю звук. Пока мой подзащитный продолжает подчищать тарелки, на экране появляется запыхавшийся репортер, находящийся где-то на территории тюремного комплекса, и, запинаясь, сообщает телезрителям, что исполнение приговора отложено. Вид у него растерянный и весьма озадаченный. Судя по всему, в растерянности пребывают и все, кто находится около него.

Еще через несколько секунд раздается стук в дверь, и в камеру входит начальник тюрьмы.

– Полагаю, вы уже все слышали? – произносит он, взглянув на включенный телевизор.

– Да, начальник, – киваю я. – Извините за испорченную вечеринку. Дайте своим парням отбой и, пожалуйста, вызовите для меня фургон.

Дьюк вытирает рот рукавом и хохочет:

– Не надо так расстраиваться, начальник!

– Нет, мне даже как-то легче стало, – возражает тот, но совершенно очевидно, что он разочарован. Он ведь тоже провел целый день, общаясь с журналистами и наслаждаясь всеобщим вниманием. И вот пожалуйста – весь этот захватывающий спектакль закончился ничем.

– Все, я поехал, – говорю я, пожимая Дьюку руку.

– Спасибо, Пост, – улыбается он.

– Буду на связи. – Я направляюсь к двери и на ходу бросаю, обращаясь к начальнику тюрьмы: – Пожалуйста, передавайте от меня привет губернатору.

В сопровождении надзирателей я выхожу на улицу, с наслаждением вдыхаю прохладный воздух, который пьянит меня, словно вино, и ликую. Один из надзирателей подводит меня к тюремному фургону без опознавательных знаков, стоящему в нескольких футах от двери здания. Я забираюсь внутрь машины, и охранник захлопывает за мной дверь.

– К главным воротам, – говорю я, обращаясь к водителю.

Пока мы едем по обширной территории исправительного учреждения имени Холмана, на меня наваливаются усталость и голод. И ощущение облегчения. Я закрываю глаза и дышу глубоко и свободно, радуясь чуду, которое заключается в том, что Дьюк останется в живых и увидит завтрашний день. Пока мне удалось спасти ему жизнь. Для того чтобы он вышел на свободу, потребуется еще одно чудо.

По причинам, известным только тем людям, которые устанавливают порядки в этой тюрьме, в течение последних пяти часов на ее территории действовал особый режим, словно тюремные власти опасались, как бы разгневанные заключенные не устроили бунт и не попытались взять штурмом здание, где содержатся смертники, и отбить Дьюка Рассела. Теперь особый режим постепенно снимают, напряженность, если она была, ослабла. Экстренно вызванные для поддержания порядка подкрепления возвращаются обратно. Все, чего я хочу, – это побыстрее убраться отсюда. Моя машина припаркована на стоянке рядом с главными воротами. Я вижу телевизионщиков, они собирают аппаратуру и готовятся отбыть восвояси. Поблагодарив водителя фургона, доставившего меня к выходу, я сажусь в свой небольшой городской внедорожник «Форд» и торопливо выруливаю на шоссе. Проехав две мили, останавливаюсь рядом с закрытым загородным магазином, чтобы сделать телефонный звонок.

Того, кому я звоню, зовут Марк Картер. Это белый мужчина тридцати трех лет. Он снимает квартиру в доходном доме в городке Бейлис, в десяти милях от Вероны. В моем досье есть фотографии его жилья и пикапа, а также подружки, с которой он живет. Одиннадцать лет назад Картер изнасиловал и убил Эмили Брун, и теперь все, что мне надо сделать, – доказать это.

Используя одноразовый мобильный телефон, я звоню Картеру на сотовый, на номер, который, как предполагается, мне неизвестен. Он снимает трубку после пяти гудков.

– Аллю!

– Это Марк Картер?

– А кто спрашивает?

– Вы меня не знаете, Картер. Я звоню из тюрьмы. Исполнение приговора в отношении Дьюка Рассела только что отложено. Хочу сообщить, что, к вашему сожалению, дело еще живо. Вы сейчас смотрите телевизор?

– Кто это говорит?

– Уверен, вы смотрите телевизор, Картер. Сидите на своей жирной заднице вместе с вашей жирной подружкой и молитесь, чтобы государство наконец казнило Дьюка за преступление, которое совершили вы. Вы просто подонок, Картер, если с нетерпением ожидаете, чтобы он умер за то, что совершили вы. Ну вы и трус.

– Скажите мне это в лицо!

– Когда-нибудь я это сделаю, Картер. В зале суда. Найду доказательства, и Дьюк вскоре выйдет на свободу. А вы займете его место. Я иду за вами, Картер.

Я заканчиваю разговор прежде, чем собеседник успевает что-либо ответить мне.

Глава 2

Поскольку бензин обходится немного дешевле, чем недорогие мотели, несколько часов подряд я еду по пустынным, погруженным в темноту дорогам. Как всегда, убеждаю себя в том, что отосплюсь позднее, словно в недалеком будущем меня ожидает долгая гibernация. Правда же заключается в том, что при моем жизненном распорядке я в основном дремлю, но очень редко сплю по-настоящему, и маловероятно, что в этом плане что-либо изменится. Я взвалил на себя проблемы невинных людей, гниющих в тюрьмах в то самое время, когда настоящие насильники и убийцы остаются на свободе.

Дьюк Расселл был осужден в захолустном южном городке с консервативными нравами, в котором половина членов жюри присяжных читали по складам. Неудивительно, что их легко сумели запутать и настроить соответствующим образом двое велеречивых липовых экспертов, привлеченных к процессу Чэдом Фолрайтом. Один из них был ушедшим на покой дантистом из небольшого городка в штате Вайоминг; как он оказался в Вероне, штат Алабама, это отдельная история. Он явно произвел впечатление на присяжных своим костюмом и выступлением, которое было озвучено в авторитетном тоне и содержало много впечатляющих «умных» слов и выражений. Этот эксперт, в частности, засвидетельствовал, что три отметины на кистях Эмили Брун являлись следами зубов Дьюка. Надо заметить, что этот клоун, которого пригласил Фолрайт, зарабатывает на жизнь, путешествуя по всей стране и свидетельствуя на судебных процессах, причем делает это за весьма солидный гонорар и всегда выступает на стороне обвинения. Согласно его искаженным представлениям изнасилование можно считать жестоким лишь в том случае, если насильник умудрился искушать жертву таким образом, что на ее теле остались следы зубов.

Вся необоснованность и нелепость этой теории должна была стать очевидной во время перекрестного допроса, но адвокат Дьюка был либо пьян, либо просто спал на суде.

Второй эксперт, привлеченный Фолрайтом, работал в криминалистической лаборатории штата. Он был – и все еще остается – специалистом по анализу волос. На теле Эмили были обнаружены семь чужих лобковых волосков, и этот тип убедил членов жюри, что они принадлежали Дьюку. Однако все было не так. Вероятно, это были волоски Марка Картера, но точно мы этого не знаем. Местные болваны, занимавшиеся расследованием, лишь ненадолго обратили внимание на Марка Картера как на возможного подозреваемого, хотя именно он был тем человеком, в обществе которого Эмили видели в последний раз в ту ночь, когда она исчезла.

На анализ следов зубов и лобковых волос в большинстве наиболее передовых юрисдикций теперь уже не полагаются. И тот, и другой принадлежат к тем весьма ненадежным и часто резко меняющим свои основополагающие постулаты областям знания, которые адвокаты и юристы, занимающиеся расследованием возможных судебных ошибок, называют «лженаукой». В общем, неизвестно, сколько невинных людей сейчас отсиживают многолетние тюремные сроки из-за некомпетентных экспертов с их необоснованными теориями, какими они руководствуются, решая, виновен подсудимый или нет.

Любой толковый юрист, выступающий на стороне защиты и стоящий выплачиваемых ему гонораров, камня на камне не оставил бы от аргументации экспертов от обвинения. Но адвокат Дьюка Расселла не стоил и тех трех тысяч долларов в месяц, которые платило ему государство. Строго говоря, он не стоил вообще ничего. У него был небольшой опыт выступлений в суде, к тому же во время процесса от него исходил стойкий запах алкоголя. Да и вообще, с профессиональной точки зрения он имел удручающе низкий уровень подготовки и, помимо всего прочего, был уверен в том, что его клиент виновен. К этому можно добавить, что в течение года после процесса его трижды задерживали за езду в пьяном виде, впоследствии лишили лицензии, а кончил он тем, что умер от цирроза печени.

И вот теперь мне предстоит собрать воедино фрагменты всей этой головоломки и добиться того, чтобы справедливость восторжествовала.

Впрочем, никто меня не заставлял браться за данное дело. Как всегда, я пошел на это добровольно.

Я нахожусь на федеральном шоссе в двух с половиной часах езды от Монтгомери, и у меня есть время, чтобы поразмыслить и составить некий план. Если бы я остановился в каком-нибудь мотеле, то все равно не смог бы заснуть – слишком уж я возбужден после того чуда, какое мне удалось сотворить в самый последний момент буквально из ничего. Я отправляю смс-сообщение с благодарностью тому судебному служащему в Атланте, кто мне помог, а также пишу своему боссу, надеясь, что она давно уже спит.

Моего руководителя зовут Вики Гурли. Ее офис находится в небольшом здании нашего фонда, расположенном в старой части городка Саванна. Она основала фонд «Блюститель» двенадцать лет назад на собственные деньги. Вики – образцовая христианка. Она считает, что ее работа является богоугодной, потому что Христос повелел не забывать о тех, кто за свои преступления оказался в узилище. В тюрьмах Вики бывает нечасто, однако работает по пятнадцать часов в день, добиваясь освобождения невиновных. Много лет назад она оказалась в составе жюри присяжных, которое признало молодого человека виновным в убийстве, в результате чего он был приговорен к смертной казни. Два года спустя выяснилось, что в данном случае была совершена судебная ошибка. Оказалось, что прокурор скрыл от присяжных улики, свидетельствующие о невиновности подсудимого, и к тому же под давлением заставил дать ложные показания тюремного осведомителя. Представители полиции также подтасовали улики и солгали присяжным. Когда настоящего убийцу изобличили с помощью теста ДНК, Вики продала племянникам свой бизнес по настилу полов и установке перекрытий и на вырученные деньги создала фонд «Блюститель».

Я стал ее первым сотрудником. Сейчас у нас есть еще один.

Также у нас имеется внештатный сотрудник Франсуа Татум. Это чернокожий сорокапятiletний мужчина. Будучи подростком, он осознал, что жизнь в сельской местности штата Джорджия будет для него проще и легче, если он станет называть себя Фрэнки, а не Франсуа. В жилах его матери была частичка гаитянской крови, и по этой причине она дала своим детям французские имена, звучавшие весьма необычно в англоговорящем мире, где она жила.

Фрэнки был первым заключенным, которого мне удалось освободить из тюрьмы и реабилитировать. Когда я познакомился с ним, он отбывал пожизненное наказание за убийство в Джорджии. Сам я в то время был священником в небольшой методистской церкви городка Саванна. Наша церковь оказывала духовную поддержку заключенным расположенной неподалеку тюрьмы. Там я и встретил Фрэнки. Он был буквально одержим тем, что невиновен и отбывает срок за преступление, которого не совершал, и не мог говорить ни о чем ином. Фрэнки был умен, исключительно начитан и сам изучил законодательство вдоль и поперек. За два моих визита он сумел убедить меня в своей невиновности.

На первом этапе моей юридической карьеры я защищал людей, которые не могли позволить себе нанять адвоката. У меня были сотни клиентов, и очень скоро я дошел до состояния, когда все они стали казаться мне виновными. В то время я не пытался представить, каково это – быть несправедливо осужденным. Фрэнки мгновенно все изменил. Я погрузился в изучение его дела и вскоре понял, что, возможно, мне удастся доказать его невиновность. Потом я познакомился с Вики, и она предложила мне работу, за которую платили даже меньше, чем за службу пастора. Кстати, так обстоит дело и по сей день.

В общем, Франсуа Татум стал моим первым клиентом в фонде «Блюститель». За четырнадцать лет его пребывания в тюрьме члены семьи совершенно о нем забыли. У него совсем не осталось друзей. В свое время мать бросила его и других детей у порога теткиного дома и исчезла навсегда. Отца Франсуа никогда не знал. Когда я приехал к нему в тюрьму, я оказался

его первым посетителем за двенадцать лет. Все это звучит ужасно, но есть в истории Франсуа Татума и положительный момент. После того как Фрэнки был освобожден и полностью реабилитирован, он получил крупную сумму денег от штата Джорджия и местных жителей, которые поспособствовали тому, что его упрятали в тюрьму. А поскольку никаких родственников и друзей, кто мог бы попытаться наложить лапу на эти денежки, в его окружении не оказалось, он, выйдя на свободу, сумел исчезнуть, словно призрак, не оставив ни следа. Сейчас Фрэнки владеет небольшими апартаментами в Атланте, имеет почтовую ячейку в Чаттануге и много времени проводит в дороге, путешествуя и наслаждаясь жизнью. Свои деньги он распределил между многочисленными счетами в банках Юга страны, чтобы их никто не смог найти. Фрэнки избегает близких отношений с кем бы то ни было, поскольку в прошлом они стали для него причиной болезненных душевных травм. И еще он постоянно опасается, что кто-нибудь попытается обчистить его.

Фрэнки доверяет только мне – и никому другому. После того как его признали невиновным и освободили, он предложил мне щедрый гонорар. Я отказался. За годы выживания в тюрьме Фрэнки до последнего цента заслужил все те деньги, которые в итоге получил. Подписав договор о найме с фондом «Блюститель», я тем самым как бы дал клятву избегать финансового благополучия. Пожалуй, мою позицию следует сформулировать так: если мои клиенты могут выживать, питаясь на два доллара в день, то будет справедливо, если я буду хотя бы немного ограничивать свои расходы.

Восточнее Монтгомери я останавливаюсь на парковке для грузовиков неподалеку от Таскиджи. Еще нет шести часов утра, на улице темно. На просторной стоянке, покрытой гравием, полно огромных автопоездов. Их двигатели урчат, прогреваясь, пока водители либо еще дремлют в кабинах, либо завтракают. В кафе много посетителей. Как только я вхожу внутрь, в ноздри мне ударяет аромат бекона и сосисок. Кто-то машет мне рукой из дальнего конца помещения. Это Фрэнки – он занял для нас столик в нише.

Поскольку дело происходит в штате Алабама, да еще в загородной местности, мы приветствуем друг друга просто крепким рукопожатием, хотя в иной ситуации, наверное, и обнялись бы. Но здесь объятия двух мужчин, один из которых чернокожий, а другой белый, да еще в переполненном кафе на стоянке грузовиков, вполне могут привлечь недоуменные взгляды. Нет, мы специально не стремились к тому, чтобы на нас не обращали внимания. К тому же, хотя у Фрэнки денег больше, чем у всех посетителей кафе вместе взятых, он по-прежнему так же строен и в такой же хорошей форме, как и в тюрьме. Фрэнки не затевает драк – просто его внешность и уверенность в себе дают ему возможность их предотвращать. Но зачем нам проблемы?

– Поздравляю, – говорит Фрэнки. – Все сработало в самый последний момент.

– Когда мне позвонили, Дьюк уже принялся за свою последнюю трапезу. Так что ему пришлось доедать в спешке.

– Но вы, похоже, были уверены, что все получится.

– Я блефовал – для бывалых юристов это дело привычное. Однако внутри у меня все тряслось.

– Кстати, о еде. Думаю, вы умираете от голода.

– Да, верно. Уехав из тюрьмы, я позвонил Картеру. Не смог удержаться.

Фрэнки слегка хмурится, после чего произносит:

– Ладно. Уверен, что для этого была причина.

– Не очень-то серьезная, если честно. Просто я поддался эмоциям. Этот тип сидел и считал минуты, дожидаясь, когда Дьюку воткнут в вену иглу. Ты можешь представить, что это такое – быть убийцей и спокойно ждать в сторонке момента, когда кого-то казнят за то, что совершил ты? Мы должны пригвоздить его к стене, Фрэнки.

– Обязательно.

Появляется официантка, и я заказываю яйца и кофе. Фрэнки просит принести ему блинчики и сосиски.

Про дела, которыми я занимаюсь, Фрэнки знает столько же, сколько я. Он внимательно прочитывает каждый файл, каждую памятную записку, каждый доклад и копию судебного протокола. Фрэнки нравится приезжать в какой-нибудь городок вроде Вероны, штат Алабама, где его никто не знает, и заниматься сбором полезной информации. Он бесстрашен, но никогда не рискует, поскольку не намерен допускать, чтобы кто-нибудь поймал его за подобным занятием. Новая жизнь слишком хороша, и свобода для него имеет особую ценность, потому что Фрэнки очень долго страдал, будучи лишенным ее.

– Нам нужно раздобыть образец ДНК Картера, – говорю я. – Каким угодно способом.

– Знаю, знаю. Я над этим работаю. Вам надо отдохнуть, босс.

– А разве когда-нибудь бывает иначе? Послушай, мы ведь оба понимаем, что, поскольку я юрист, мне нельзя пытаться получить образец ДНК незаконными способами.

– Но мне-то можно, верно? – Фрэнки улыбается и отхлебывает кофе из чашки.

Официантка приносит чашку мне и наполняет ее из кофейника.

– Может, и так, – киваю я. – Давай обсудим это позднее. В течение следующих нескольких недель Картер будет нервничать из-за моего звонка. И это хорошо. В какой-то момент он совершит ошибку, а мы будем рядом и воспользуемся ею.

– А куда вы сейчас направляетесь?

– В Саванну. Пробуду там пару дней, а потом поеду во Флориду.

– Во Флориду, значит. В Сибрук?

– Да. Я решил взять это дело.

По выражению лица Фрэнки трудно угадать его мысли и эмоции. Он редко моргает, говорит всегда ровно, спокойно и при этом, кажется, взвешивает каждое слово, прежде чем произнести его. Чтобы выжить в тюрьме, нужно уметь сохранять бесстрастное выражение лица. Там никого не удивляет, если человек долго молчит, прежде чем что-нибудь сказать.

– Вы уверены? – Совершенно очевидно, что у Фрэнки возникли сомнения по поводу моих планов относительно Сибрука.

– Этот парень невиновен. И у него нет адвоката.

Нам приносят еду, и мы какое-то время занимаемся тем, что намазываем масло на хлеб и льем в тарелки сироп и горячий соус. Сибрукское дело мы в нашем фонде анализируем уже три года и до сих пор не пришли к единому мнению по поводу того, следует ли за него браться. Такая ситуация не является необычной. Фонд буквально захлестывает поток писем от заключенных, отбывающих наказание в пятидесяти штатах, – их авторы утверждают, что невиновны. Но в большинстве случаев это не так, поэтому мы внимательно все проверяем и перепроверяем и отбираем только те дела, в которых наиболее высока вероятность невиновности заключенного и есть шанс доказать наличие судебной ошибки. И даже при этом мы порой ошибаемся.

– Там может сложиться опасная ситуация, – говорит Фрэнки.

– Знаю. Мы уже давно крутим и вертим это дело. А его фигурант тем временем отбывает чужой срок, и каждый день в заключении кажется ему вечностью.

Мой собеседник, жуя блинчик, едва заметно кивает, но я вижу, что мне все еще не удалось убедить его.

– Скажи, Фрэнки, разве мы когда-нибудь уклонялись от хорошей драки?

– Возможно, это как раз тот случай, когда следует это сделать. Вы ведь каждый день отклоняете какие-то дела, верно? Так вот это дело, наверное, опаснее, чем все остальные. У вас и так бог знает сколько потенциальных клиентов.

– Похоже, ты становишься не таким жестким, как раньше, а?

– Нет. Просто не хочу, чтобы с вами случилось что-нибудь плохое. Меня никто не знает и не видит, Каллен. Я живу и работаю, не выходя из тени. Но вашей фамилией подписаны все

прошения и ходатайства. Если вы начнете копать в нехорошем месте, таком, как Сибрук, это может не понравиться каким-нибудь опасным типам.

– Тем более этим делом следует заняться, – с улыбкой отвечаю я.

Когда мы выходим из кафе, солнце уже взошло. На стоянке мы, не обращая ни на кого внимания, крепко обнимаемся и прощаемся. Я понятия не имею, куда отправится Фрэнки, и в этом заключается одно из тех его качеств, которые меня восхищают. Каждое утро он просыпается свободным, благодарит Бога за то, что ему повезло, садится в свой грузовой пикап последней модели с просторной кабиной и едет туда, куда пожелает.

Его умение чувствовать себя свободным придает мне сил делать то, что я делаю. Если бы не фонд «Блюститель», Фрэнки продолжал бы гнить в тюрьме.

Глава 3

Между Опеликой, штат Алабама, и Саванной нет прямой дороги. Мне приходится съехать с федерального шоссе, и я начинаю кружить по центральной части штата Джорджия, пробираясь по двухрядным местным трассам, которые в утренние часы становятся более загруженными. Я уже бывал здесь раньше. За последние десять лет я исколесил почти все дороги на территории так называемого Пояса Смерти – от Северной Каролины до Техаса. Однажды едва не взялся за дело в Калифорнии, но его забраковала Вики. Я не люблю аэропорты, и к тому же фонд «Блюститель» не смог бы профинансировать мои перелеты туда-сюда. В общем, я много времени провожу за рулем, выпивая в дороге большое количество черного кофе и слушая аудиокниги. При этом периоды долгих размышлений у меня нередко чередуются с приступами лихорадочных созвонов по сотовому телефону.

Добравшись до какого-то небольшого городка, я проезжаю мимо суда округа и вижу троих молодых юристов. Одетые в свои лучшие костюмы, они входят в здание, явно собираясь принять участие в очередном процессе или обсуждении каких-нибудь важных вопросов. Не так уж много лет назад одним из них мог бы быть я.

Мне было тридцать лет, когда я впервые прекратил заниматься юриспруденцией, и тому была серьезная причина.

То памятное утро началось с ужасной новости о том, что были обнаружены трупы двух белых шестнадцатилетних молодых людей, юноши и девушки. Кто-то перерезал им горло. Кроме того, оба подверглись жестокому сексуальному надругательству. Очевидно, они сидели в машине, припаркованной где-то в уединенном месте, и на них внезапно напала группа чернокожих подростков, которые, помимо прочего, угнали их автомобиль. Несколько часов спустя машину нашли. Кто-то из участников чернокожих молодежных группировок проговорился, были произведены аресты. О деталях дела широко сообщалось в прессе.

Именно так подавались утренние новости в Мемфисе. У давно уже уставшей от подобной информации публики подобные сообщения об очередном насильственном преступлении всякий раз вызывали вполне естественный вопрос: «Сколько мы будем все это терпеть?» Впрочем, даже для Мемфиса новость о жестоком убийстве двух белых молодых людей была шокирующей.

Нам с Брук она стала известна рано утром, когда мы еще лежали в постели, как обычно, держа в руках первые за день чашки с кофе. После одного репортажа я пробормотал:

- Это может быть ужасно.
- Это точно ужасно, – поправила меня Брук.
- Ты знаешь, что я имею в виду.
- Тебе придется защищать одного из подозреваемых?
- Начинай молиться прямо сейчас, – сказал я.

К тому моменту, когда шагнул в душ, я уже чувствовал себя больным и лихорадочно искал возможности избежать поездки в офис. Не чувствуя никакого аппетита, я отказался от завтрака. Когда выходил на улицу, зазвонил мобильный телефон. Это был мой непосредственный руководитель, он потребовал, чтобы я поторопился. Я поцеловал на прощание Брук и попросил:

- Пожелай мне удачи. Будет длинный день.

Офис общественных защитников находился в деловой части города и был частью комплекса сооружений, который называли Дворцом уголовной юстиции. Когда в восемь часов утра я вошел в нужное мне здание, внутри оно напоминало морг. Все сидели по своим кабинетам и, даже находясь там, старались избегать зрительного контакта с кем бы то ни было.

Через несколько минут после моего приезда начальник вызвал всех своих сотрудников в конференц-зал. Нас, сотрудников отдела особо тяжких преступлений, было шестеро, и каждый имел множество клиентов. В тридцать лет я был самым молодым из шестерки и, оглядевшись, понял, что новое дело свалят на меня.

– Так, похоже, подозреваемых пятеро, и все они уже помещены в камеры, – произнес наш босс. – Их возраст – от пятнадцати до семнадцати лет. Двое готовы говорить. Белые ребята сидели на заднем сиденье машины, когда на них напали, захватив их врасплох. Четверо из пяти подозреваемых – кандидаты в члены местной банды. Ее участники называют себя «Вороны». Чтобы стать полноправным «Вороном», кандидат должен изнасиловать белую девушку, причем блондинку. Криси Спанглер как раз была блондинкой. Руководил группой чернокожих некто Ламар Робинсон. Белого паренька, Уилла Фостера, нападавшие привязали к дереву и заставили смотреть, как они по очереди насилюют его подружку. Он постоянно кричал, его не могли заставить замолчать. В общем, в конце концов нападавшие надругались и над ним тоже и перерезали ему горло. Фотографии с места происшествия вот-вот поступят из полиции Мемфиса.

Мы, все шестеро сотрудников, слушали молча, в ужасе от рассказа босса. Я посмотрел на окно, запертое на шпингалет. Мелькнула мысль, что лучшим выходом в такой ситуации было бы прыгнуть в него головой вперед и, разбив стекло, выброститься на автомобильную стоянку. Наш начальник тем временем продолжил:

– Нападавшие угнали машину Уилла. На Третьей Южной улице эти умники проехали на красный. Полицейские остановили автомобиль, в котором на тот момент находилось три человека, заметили кровь и арестовали всех троих. Двое начали говорить и рассказали подробности произошедшего. Они свалили все на остальных, но их показания свидетельствуют о том, что в нападении участвовали пятеро. Сегодня утром будут проведены вскрытия. Излишне говорить, что мы в этом деле завяжем по самые уши. Приметы двоих остальных подозреваемых разосланы всем, кому только можно; отдан приказ об их немедленном задержании там, где они появятся. В общем, это будет громкое дело. Везде полно репортеров, в прессу постоянно просачиваются все новые детали.

Я бочком придвинулся поближе к окну. И тут босс произнес:

– Пост, тебе достается пятнадцатилетний тип по имени Терренс Латтимор. Насколько нам известно, он пока ничего не сказал.

Когда все задания были распределены между сотрудниками, руководитель попытожил:

– Отправляйтесь прямо сейчас в тюрьму и встретитесь со своими новыми клиентами. Предупредите полицейских, что они не должны допрашивать их без вашего присутствия. Речь идет о членах местной банды, так что, скорее всего, они сотрудничать не будут – во всяком случае, не на этой стадии.

Затем наш босс сделал паузу, посмотрел на каждого из нас, несчастных, и вздохнул:

– Мне жаль.

Час спустя, когда я входил на территорию городской тюрьмы, какая-то женщина, вероятно, репортер, выкрикнула, обращаясь ко мне:

– Вы представляете одного из этих убийц?

Продолжая шагать в прежнем направлении, я сделал вид, будто не услышал ее вопроса.

Когда я вошел в небольшое конвойное помещение, запястья и щиколотки Терренса Латтимора сковывали кандалы, и вдобавок он был пристегнут цепью к металлическому стулу. Мы остались с ним с глазу на глаз; я объяснил, что мне поручено защищать его интересы, и сообщил, что должен задать кое-какие вопросы – самые общие, просто для того, чтобы начать работу. Латтимор молча ухмыльнулся и кинул на меня свирепый взгляд. Возможно, ему было всего пятнадцать лет, но внешне он казался крутым, тертым парнем, успевшим уже многое повидать. Было очевидно: то, что в его жизни в качестве постоянных элементов присутство-

вали банды, наркотики и насилие, не прошло для него даром. Латтимор ненавидел меня и всех людей с белой кожей. Заявил, что адреса у него нет, и предупредил меня, чтобы я держался подальше от членов его семьи. Его, если можно так выразиться, послужной список состоял из двух исключений из школы и четырех обвинений в суде по делам несовершеннолетних, причем все они были связаны с применением насилия.

К полудню я готов был сдать, плюнуть на все и отправиться искать другую работу. Если три года назад я согласился занять должность в Бюро государственных защитников, то только потому, что не сумел устроиться в частную юридическую фирму. И теперь, после трех лет тяжелого труда в недрах системы уголовного правосудия, я все чаще задавался вопросом, почему мне пришлось в голову выбрать для обучения именно юридический факультет. Никак не удавалось вспомнить, что именно подвигло меня на это. Из-за моей работы мне приходилось ежедневно общаться с людьми, к которым вне зала суда я бы и близко не подошел.

О том, чтобы отправиться на ланч, не могло быть и речи – вряд ли у кого-либо из наших сотрудников после случившегося полез бы кусок в горло. Тем пятерым из нас, кого отрядили для работы по делу об убийстве двух подростков, пришлось еще раз встретиться с боссом, посмотреть фотографии с места преступления и ознакомиться с протоколами вскрытия. В общем, если бы я рискнул проглотить хотя бы что-нибудь, содержимое моего желудка сразу оказалось бы на полу.

Я часто спрашивал себя: «Что же, черт возьми, я делаю со своей жизнью?» Будучи адвокатом по уголовным делам, я уже устал слышать один и тот же вопрос: «Как же вы можете защищать человека, если знаете, что он виновен?» Я всегда давал на него стандартный ответ выпускника юридического факультета: «Видите ли, каждый гражданин имеет право на квалифицированную юридическую защиту. Так записано в конституции».

Но с каждым разом подобный ответ мне самому казался все менее и менее убедительным. Я перестал верить в эти слова. Правда заключается в том, что бывают настолько ужасные и жестокие преступления, что, с точки зрения нормального человека, убийца должен быть либо казнен (если этот нормальный человек является сторонником смертной казни), либо помещен в тюрьму пожизненно (если тот, кто высказывает свое мнение, не приемлет смертную казнь в качестве наказания). После совещаний у начальства я уже перестал отчетливо понимать, какие позиции в данном вопросе занимаю сам.

Я отправился в свой кабинет, представлявший собой крохотную каморку, но имевший то преимущество, что в нем была дверь, запиравшаяся на ключ. Из окна взглянул на тротуар внизу и погрузился в мечты, представив, будто покидаю окружающую меня действительность и оказываюсь на экзотическом пляже, где жизнь прекрасна и единственная проблема, которая может возникнуть передо мной, – это как бы раздобыть еще порцию прохладительного напитка. Странно, но Брук в этих моих мечтах не присутствовала. Резкий звонок телефона, стоявшего на столе, заставил меня очнуться.

Похоже, я не просто пребывал в грезах, а галлюцинировал. Почему-то все вокруг замедлилось, словно фильм, прокручиваемый на малой скорости. Я вдруг почувствовал, что мне трудно заставить себя произнести в трубку простое «алло». Звонила женщина, представившаяся репортером. Она хотела задать несколько вопросов по поводу убийства двоих подростков и интересовалась, могу ли я побеседовать с ней на эту тему. Я молча повесил трубку. Прошел час, но за это время, помнится, я не сделал ровным счетом ничего. Чувствовал себя больным и будто оцепенел. Единственным моим желанием было бежать куда-нибудь из здания. В какой-то момент я все же вспомнил, что нужно позвонить Брук и сообщить ей ужасную новость о том, что мне выпало защищать одного из нападавших.

Первое заседание суда должно было состояться в 2 часа дня. Это мероприятие было перенесено из небольшого зала в более просторный, но и он не мог вместить всех желающих присутствовать и узнать последние новости о случившемся. Из-за высокого уровня преступности

в Мемфисе всегда было много полицейских, и в тот день большинство из них, как мне показалось, находились в здании. Они блокировали все входы и выходы и тщательно обыскивали репортеров и зевак. В зале, отведенном для заседания, полицейские выстроились в две шеренги вдоль центрального прохода и трех стен, обрамлявших подиум.

Двоюродный брат Уилла Фостера работал в мемфисской пожарной команде. Он прибыл с группой коллег, и казалось, что все они готовы в любой момент сорваться и применить насилие. С одной стороны зала, на максимальном удалении от родственников убитых подростков появилось и некоторое количество чернокожих. Повсюду было полно репортеров, но без камер. Немало собралось и юристов, не имевших к делу никакого отношения, – из чистого любопытства.

Через служебный вход я пробрался в зал заседаний жюри присяжных и, приоткрыв дверь в зал суда, окинул взглядом собравшуюся там толпу. В помещении было буквально яблоку негде упасть. Напряжение достигло такой степени, что казалось физически ощутимым.

Сев на свою скамью, судья призвал собравшихся соблюдать тишину и порядок. В зал ввели пятерых подозреваемых, одетых в одинаковые оранжевые комбинезоны и скованных одной цепью. Публика смотрела на них во все глаза. Приглашенные художники принялись набрасывать портреты возможных преступников. Полицейские сформировали дополнительную шеренгу, отделяющую пятерых чернокожих молодых людей от толпы. Адвокаты стояли рядом с подозреваемыми и, опустив головы, разглядывали собственные ботинки.

– Снимите с них кандалы, черт возьми! Снимите кандалы! – раздался чей-то сильный, звучный голос из дальнего от подиума конца зала.

Полицейские засуетились, пытаясь найти того, кто издал эти возгласы, и заставить его замолчать. Пронзительно завопила какая-то женщина, вся в слезах.

Четверо адвокатов поменяли позицию, встав позади своих подзащитных. Я присоединился к ним и расположился за спиной Терренса Латтимора, а затем взглянул на людей, сидевших в зале в первых двух рядах. Они явно были родственниками или друзьями жертв преступления и смотрели на меня с ненавистью.

Итак, меня ненавидел и мой клиент, и близкие убитых. Так какого черта, спрашивается, я здесь делаю?

Судья ударил молоточком по столу и произнес:

– Я намерен обеспечить порядок в этом зале. Это первое судебное заседание по данному делу, целью которого является установить личности подозреваемых и удостовериться, что интересы каждого из них представляет адвокат. Итак, кто здесь мистер Ламар Робинсон?

Один из подозреваемых поднял голову и невнятно пробормотал что-то.

– Сколько вам лет, мистер Робинсон?

– Семнадцать.

– Представлять ваши интересы назначили мисс Джули Шоултер из Бюро государственных защитников. Вы с ней уже знакомы?

Джули, моя коллега, сделала шаг вперед и остановилась между Робинсоном и другим подозреваемым. Поскольку все пятеро были скованы вместе, подойти вплотную к своим подзащитным никто из адвокатов просто не имел возможности. Обычно кандалы и цепи в суде снимали, и то, что на сей раз этого не сделали, свидетельствовало о том, как настроен судья.

Робинсон взглянул на Джули, повернув голову вправо, и пожал плечами.

– Вы хотите, чтобы она представляла ваши интересы, мистер Робинсон?

– А можно сделать так, чтобы меня защищал чернокожий адвокат?

– Вы имеете право нанять любого адвоката, который вас устроит. У вас есть деньги, чтобы оплатить услуги частного защитника?

– Возможно.

– Ладно, тогда обсудим данный вопрос позднее. Следующий – мистер Терренс Латтимор.

Мой подзащитный одарил судью таким взглядом, словно с удовольствием перерезал бы горло и ему.

– Сколько вам лет, мистер Латтимор?

– Пятнадцать.

– У вас есть деньги на частного адвоката?

Тот покачал головой.

– Вы хотите, чтобы ваши интересы представлял мистер Каллен Пост из Бюро государственных защитников?

Латтимор пожал плечами с таким видом, будто хотел дать понять, что ему безразлично.

Взглянув на меня, судья поинтересовался:

– Мистер Пост, вы уже познакомились со своим клиентом?

Мистер Пост ничего не ответил. То есть рот-то я открыл, однако не издал ни звука. Вместо этого я шагнул назад и уставился на судью, который вперил в меня непонимающий взгляд.

– Мистер Пост! – окликнул он меня.

В зале суда царил полная тишина, но мне в уши и прямо в мозг почему-то ввинчивался резкий, пронзительный звон. Колени мои словно утратили жесткость, дыхание давалось с трудом. Я сделал еще шаг назад, затем повернулся и стал продираться сквозь стоявших стеной полицейских. Пробившись к барьеру, я открыл калитку, запиравшуюся где-то на уровне коленей, и направился в сторону центрального прохода. При этом я задевал сотрудников полиции, но ни один из них не попытался остановить меня. Его честь сказал мне вслед что-то вроде: «Мистер Пост, куда вы?» Но мистер Пост и сам этого не знал.

Пройдя через главную дверь, я вышел из зала суда и отправился в туалет. Там я заперся в кабинке, и на меня накатила сильнейшая приступ рвоты. Какое-то время меня прямо-таки выворачивало наизнанку – даже уже после того, как внутри ничего не осталось. Затем я выбрался из кабинки, подошел к раковине и несколько раз плеснул себе в лицо водой. Потом я вроде оказался на эскалаторе, но не могу утверждать это с уверенностью, поскольку полностью утратил не только слух, но также чувство времени и пространственную ориентацию. Я совершенно не помню, как покинул здание.

Придя в себя, я обнаружил, что сижу за рулем своей машины и еду на восток, в сторону окраины города, по Поплар-авеню. Нисколько того не желая, я проскочил на красный сигнал светофора и едва избежал серьезной аварии. Позади меня раздались сердитые гудки автомобильных клаксонов. Вскоре я осознал, что оставил свой чемоданчик с бумагами в зале суда, и эта мысль вызвала у меня улыбку. Я решил, что никогда больше там не появлюсь.

Родители моей матери жили на небольшой ферме в десяти милях от моего родного города, Дайерсберга, штат Теннесси. В тот день я в конце концов приехал туда. Я совершенно потерял счет времени и не мог припомнить, когда и почему принял решение отправиться в родные места. Впоследствии мои дед и бабка сказали, что, увидев меня, были крайне удивлены, но вскоре поняли, что мне нужна помощь. Они принялись расспрашивать меня о том, что произошло, однако я упорно молчал, устремив на родственников бессмысленный, остановившийся взгляд. Они уложили меня в постель и позвонили Брук.

Позднее, уже ночью, врачи погрузили меня в машину «Скорой помощи». Брук села рядом со мной. Проложив трехчасовой путь, мы приехали в психиатрическую клинику неподалеку от Нэшвилла. В мемфисских заведениях для душевнобольных свободных коек не оказалось, да я и не хотел возвращаться в Мемфис. В последующие дни меня принялись лечить специальными препаратами и долгими беседами с психотерапевтами, которые осторожно пытались выяснить причины моего срыва. Через месяц страховая компания уведомила нас с Брук, что прекращает финансирование моего пребывания в психиатрической клинике, и я с готовностью выписался оттуда.

В нашу с Брук квартиру в Мемфисе я возвращаться отказался и остался жить у родителей матери. Именно в тот период мы с Брук приняли решение развестись. По окончании примерно половины трехлетнего срока, в течение которого мы состояли в браке, мы оба поняли, что не сможем находиться вместе всю жизнь и что, если мы предпримем такую попытку, это лишь сделает нас обоих несчастными. Правда, мы прежде не говорили об этом и, вообще, редко ругались и ссорились. Но как-то так получилось, что в тяжелые дни моей жизни на ферме мы откровенно все друг другу объяснили. Мы все еще любили друг друга, однако наши пути уже расходились в разные стороны. Поначалу мы решили год пожить отдельно, чтобы окончательно понять, что к чему, но даже этот срок оказался для нас слишком длинным. Я никогда не винил Брук за то, что она оставила меня из-за моих нервных срывов. Мне хотелось прервать наши отношения, и того же самого желала она. В общем, мы с болью в сердце разошлись, дав зарок, что останемся друзьями – или, по крайней мере, попробуем это сделать. Однако и это у нас не получилось.

В то самое время, когда Брук покидала мою жизнь через одну дверь, Бог постучался в другую. Он явился мне в лице святого отца Бенни Дрейка, священника методистской церкви, находившейся в Дайерсберге. Это был приятный мужчина лет сорока, хитроватый и острый на язык. В его одежде черный пасторский сюртук со стоячим воротничком чаще всего сочетался с линялыми джинсами. Бенни Дрейк быстро стал одним из наиболее ярких персонажей в моем окружении и во многом способствовал моему выздоровлению. Его поначалу еженедельные визиты вскоре стали почти ежедневными, и всякий раз я с нетерпением ждал очередной беседы с ним на главном крыльце. Я сразу же проникся к нему доверием и признался, что не желаю возвращаться к занятиям юриспруденцией. Мне было всего тридцать лет, и я мечтал построить свою карьеру каким-то иным способом – и при этом помогать людям. Мне не хотелось провести остаток жизни, работая в юридической фирме, возбуждая судебные дела или защищая тех, кто совершил преступление, и постоянно испытывая при этом сильнейшее морально-психологическое давление. Чем теснее я сближался с Бенни, тем больше мне хотелось быть похожим на него. Он тоже разглядел во мне что-то и предложил, по крайней мере, поразмыслить о том, чтобы стать священником. Мы часто подолгу вместе молились, а после этого вели еще более долгие беседы, и я постепенно начал ощущать в своей душе божественное призвание.

Через восемь месяцев после моего последнего появления в зале суда я переехал в Александрию, штат Виргиния, и поступил в семинарию, где с усердием проучился следующие три года. При этом, чтобы добыть средства себе на хлеб, подрабатывал по двадцать часов в неделю в качестве ассистента в крупной юридической фирме со штаб-квартирой в федеральном округе Колумбия. Эта работа была мне ненавистна, поскольку, занимаясь ею, я по меньшей мере раз в неделю получал напоминание о том, почему решил оставить профессию юриста. Но мне удалось скрывать свое презрение к тому, чем приходилось заниматься.

Я был посвящен в сан в возрасте тридцати пяти лет и стал помощником священника в методистской церкви Мира во Христе на Дрэйтон-стрит в исторической части города Саванна. Местным пастором был замечательный человек Лютер Ходжес, на протяжении уже многих лет исполнявший обязанности в том числе и тюремного священника. Его дядя умер за решеткой, и поэтому он был полон решимости помогать тем, о ком общество забыло. Через три месяца после переезда в Саванну я познакомился с мистером Франсуа Татумом, которого на самом деле можно было назвать забытой душой.

Освобождение Фрэнки из тюрьмы через два года стало большим достижением моей жизни и дало мне самые яркие положительные эмоции, которые приходилось испытывать в тот период. Я нашел свое призвание. Благодаря вмешательству Всевышнего я встретил Вики Гурли, женщину, выполнявшую свою особую миссию.

Глава 4

Фонд «Блюститель» занимает крохотное угловое помещение в здании склада, находящегося на Брод-стрит в городе Саванна. Остальную территорию громадного строения арендует компания по настилу полов и установке перекрытий, которую Вики продала много лет назад. При этом она все еще владеет помещением склада и сдает его своим племянникам, ведущим бизнес. Львиную долю денег, которую Вики получает в качестве арендной платы, поглощает фонд.

Когда я паркую машину и направляюсь в офис фонда, уже наступает полдень. Секретаря, встречающего посетителей, у нас нет, да и красивой приемной, которая могла бы произвести на клиента впечатление, тоже. И это понятно: все наши клиенты сидят в тюрьме. К тому же секретарей мы просто не можем себе позволить. Мы сами набираем тексты, создаем и ведем архивы, договариваемся о встречах, отвечаем на телефонные звонки, варим кофе и выносим мусор.

Во время ланча Вики обычно наскоро перекусывает в компании своей матери, которая работает в доме престарелых, расположенном чуть дальше на той же улице. Сейчас в ее идеально чистом кабинете никого нет. Я бросаю взгляд на стол Вики – бумаги на нем все до единой разложены в образцовом порядке. Позади стола на невысоком комодике стоит цветная фотография Вики и ее покойного мужа. Он построил бизнес, а когда умер в еще молодом возрасте, Вики взяла дело в свои руки и руководила им как настоящий тиран – пока не испытала глубокого разочарования в нашей судебной-юридической системе и не основала фонд «Блюститель».

По другую сторону коридора расположен кабинет Мэйзи Раффин, директора по судебным тяжбам. Она – наш мозговой центр. Ее тоже нет за столом – наверное, отвозит куда-нибудь детей. У Мэйзи их четверо, и в дневное время некоторые из них частенько шныряют по помещениям фонда. Вики, как только начинается рабочее время, спокойно, но решительно закрывает свою дверь. То же самое делаю и я, если присутствую в офисе, хотя это бывает нечасто. Когда четыре года назад мы нанимали на работу Мэйзи, у нее было два не подлежащих обсуждению условия. Первым было разрешение на то, чтобы в случае необходимости ее дети имели возможность находиться у нее в кабинете. Она лишь изредка могла позволить себе платить няне. Вторым условием была зарплата. Для выживания Мэйзи требовалось 65 тысяч долларов в год – и ни центом меньше. Это больше, чем получаем мы с Вики вместе взятые. Но нам не надо растить и воспитывать детей, так что уровень наших окладов нас не слишком волнует. В итоге мы приняли оба условия, так что Мэйзи и сейчас остается самым высокооплачиваемым сотрудником в нашей команде.

И она стбит своих денег. Мэйзи выросла в Атланте, причем в весьма неблагоприятных условиях. Порой ей приходилось вести жизнь бездомной, хотя она не любит вспоминать о тех временах. Благодаря интеллектуальным способностям Мэйзи на нее обратил внимание один из учителей средней школы и принял участие в ее судьбе. Мэйзи экстерном окончила Морхаус-колледж и юридический факультет университета Эмори, причем получая максимальную стипендию и сдав почти все экзамены с наивысшими оценками. После этого она отвергла предложения о найме от крупных юридических фирм и пошла работать на благо своих чернокожих братьев – в Фонд юридической защиты при Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. Однако карьера Мэйзи там рухнула, когда развалился ее брак. Один из моих друзей упомянул о ней, узнав, что мы ищем еще одного юриста.

Весь нижний этаж – пространство, где царят эти две незаурядные женщины, Вики и Мэйзи. Находясь в фонде, большую часть времени я провожу на втором этаже, там расположена захламленная комнатуха, которую я называю своим кабинетом. По другую сторону коридора находится конференц-зал, но мероприятия соответствующего масштаба в фонде

проводятся редко. Порой мы используем его для проведения процедуры снятия показаний и для встреч с освобожденными из тюрьмы и их родственниками.

Я вхожу в конференц-зал и включаю свет. В центре комнаты стоит длинный, овальной формы обеденный стол, который я купил на «блошином» рынке за 100 долларов. Вокруг него теснится десяток разномастных стульев, их мы добавили к нашей мебели за несколько последних лет. Несомненно, обстановке нашего конференц-зала недостает стиля и вкуса, однако это с лихвой компенсируется тем, что он выглядит весьма оригинально. На одной стене вытянулся ряд из восьми увеличенных и взятых в рамки цветных фотографий бывших заключенных, которые были освобождены из тюрьмы, поскольку нам удалось доказать их невиновность. Это – наша «Стена Славы». Начинается ряд с фото Фрэнки. Улыбающиеся лица людей на снимках – главный итог нашей деятельности. Достигнутые успехи вдохновляют нас на то, чтобы и дальше потихоньку гнуть свою линию, сражаясь с системой и борясь за торжество справедливости.

Да, фотографий всего восемь. А между тем нашей помощи ждут тысячи людей. Наша работа никогда не закончится, и хотя существующая ситуация может кого угодно привести в уныние, она содержит в себе и мощную мотивацию.

На противоположной стене висят пять фото размером поменьше – на них наши нынешние клиенты. Все они сняты прямо в тюремной одежде. Дьюк Рассел отбывает срок в Алабаме. Шаста Брили сидит в Северной Каролине. Билли Рэйберн – в Теннесси. Кертис Уоллес – в Миссисипи. Литтл Джимми Флэглер – в Джорджии. Трое афроамериканцев, двое белых, четверо мужчин и одна женщина. Цвет кожи и пол в нашей работе не имеют никакого значения. Еще на стенах комнаты вывешены взятые в рамки фотографии из газет, на них запечатлены знаменательные моменты – как мы выводим наших клиентов, невиновность которых доказана, из зданий тюрем. На большинстве этих снимков есть я, а также другие юристы, помогавшие нашему фонду. На некоторых можно видеть Мэйзи и Вики. Улыбки на всех этих фото удивительно заразительные.

Я взбираюсь по лестнице в свой «пентхаус». Дело в том, что я живу в помещении фонда – в трехкомнатной квартире на верхнем этаже. Не буду описывать ее обстановку. Достаточно сказать, что две женщины, так или иначе присутствующие в моей жизни, Вики и Мэйзи, и близко не подойдут к моему жилищу. В среднем я ночую здесь раз десять в месяц, так что нетрудно представить себе кавардак и запустение, царящие внутри. Однако следует признать, что, если бы я находился там постоянно, грязи и беспорядка было бы еще больше.

Я принимаю душ в своей тесной ванной комнатке и падаю на кровать.

Отдохнув примерно два часа, я слышу звуки, доносящиеся снизу. Одевшись, я, спотыкаясь, спускаюсь по лестнице вниз. Мэйзи приветствует меня широкой улыбкой и крепким объятием.

– Поздравляю! – восклицает она. – Поздравляю!

– Все произошло в самый последний момент, черт возьми, в самый последний. Когда нам позвонили, Дьюк уже поглощал свою последнюю трапезу.

– Он все доел?

– Разумеется.

Дэниел, четырехлетний сынишка Мэйзи, подбегает ко мне, чтобы я обнял его. Он понятия не имеет, где я находился и чем занимался накануне ночью, но обниматься готов в любой момент. Услышав наши голоса, к нам присоединяется Вики. И снова – объятия и поздравления.

Потеряв Альберта Хувера в Северной Каролине, мы, рассевшись в кабинете Вики, все вместе плакали. То, что происходит сейчас, нравится мне куда больше.

– Я сделаю кофе, – предлагает Вики.

Ее кабинет немного больше, чем у Мэйзи, в нем не валяются повсюду игрушки и не стоят раскладные столики с лежащими на них альбомами-раскрасками и настольными играми,

поэтому мы решаем обсудить мой отчет там. Поскольку ночью я созванивался с обеими женщинами, большинство деталей им уже известно. Я рассказываю о своей встрече и беседе с Фрэнки, а затем мы говорим о том, каким должен стать наш следующий шаг в деле Дьюка Рассела. Получилось так, что у нас нет в этом плане никаких конкретных временных рамок, срок казни не назначен, на горизонте не маячит перспектива обратного отсчета, а значит, можно слегка выдохнуть. В делах, по которым вынесены смертные приговоры, все происходит очень медленно, примерно так, как движется ледник, но только до момента определения срока, когда заключенному должны вонзить в вену иглу с ядом. После этого события начинают развиваться с головокружительной скоростью, мы работаем круглыми сутками. Если исполнение смертного приговора удастся отложить, то от следующего подобного аврала нас отделяют месяцы или даже годы. Но мы никогда не расслабляемся, потому что наши клиенты невиновны, и для них само пребывание в тюрьме – настоящий кошмар.

Мы обсуждаем еще четыре дела, которые находятся у нас в работе. Ни по одному из них нет жесткого дедлайна. Самую неприятную тему затрагиваю я, спросив Вики:

– А что там с нашим бюджетом?

Она, как всегда, улыбается:

– Мы банкроты.

– Мне надо сделать телефонный звонок, – говорит Мэйзи и, встав, целует меня в лоб. – Хорошая работа, Пост.

Она предпочитает избегать обсуждения вопроса о бюджете, и мы с Вики стараемся ее этим не нагружать. Выйдя из конференц-зала, Мэйзи возвращается в свой кабинет.

– Мы получили чек от фонда Кэйхилла на пятьдесят тысяч, так что сможем оплатить счета за несколько месяцев, – сообщает Вики.

На финансирование нашей деятельности требуется около полумиллиона долларов в год, и мы добываем их, обращаясь с просьбами и мольбами о вспомоществовании к небольшим некоммерческим организациям и нескольким частным лицам. Если бы у меня был дар добывать деньги, я бы половину времени проводил на телефоне, а также занимался рассылкой писем и произносил всевозможные убедительные речи, призывая поддержать нас. Существует прямая зависимость между количеством средств, какие мы имеем возможность потратить, и числом невиновных людей, освобождения которых мы в состоянии добиться. Но у меня нет ни времени, ни желания ходить с протянутой рукой. Мы с Вики уже давно решили, что не сможем содержать большой штат сотрудников и не вынесем постоянного стресса, связанного с поисками финансирования. Мы предпочитаем работать в небольшой по размерам организации и осуществлять ограниченную по масштабам, но эффективную деятельность и придерживаемся именно этой позиции.

Процесс работы по освобождению невинно осужденного может занять много лет и потребовать по меньшей мере 200 тысяч долларов в денежном выражении. Когда нам остро требуются дополнительные средства, мы всегда можем их добыть.

– В целом мы в порядке, – подытоживает Вики. – Я работаю над получением кое-каких грантов и охочусь за несколькими донорами. В общем, выживем. Как всегда.

– Завтра я кое-кому позвоню.

Как бы мне это ни было противно, я все же заставляю себя каждую неделю посвящать несколько часов массовому обзвону юристов, у которых наша деятельность гипотетически может вызывать сочувствие, и просить у них денег. Еще у меня есть небольшой список церквей, к ним я также периодически обращаюсь с просьбой прислать нам чек. Мы не являемся религиозной организацией, однако ничто не мешает мне называть наш фонд одной из таковых – это может пойти на пользу делу.

– Я так понимаю, ты собираешься в Сибрук, – произносит Вики.

– Да. Я уже принял решение. Мы присматриваемся к этому делу три года, и я успел подустать от бесконечных дискуссий. Мы убеждены, что заключенный невиновен. Он провел в тюрьме двадцать два года и не имеет адвоката. Никто не работает над его кейсом. Считаю, что нам пора вмешаться.

– Мы с Мэйзи в деле.

– Спасибо.

Правда заключается в том, что именно я принимаю окончательное решение по поводу того, браться нам за то или иное дело или нет. Долгое время мы внимательно оцениваем и изучаем каждый случай и с максимально возможной точностью выясняем все факты. Если один из трех сотрудников фонда выступает решительно против того, чтобы мы занимались тем или иным кейсом, мы даем задний ход. Вопрос с Сибруком давно не дает нам покоя – прежде всего потому, что мы уверены: дело против нашего потенциального следующего клиента было сфабриковано.

– Сегодня я готовлю кур по-корнуолльски, – сообщает Вики.

– Да благослови тебя Господь. Я ждал этого приглашения.

Вики живет одна и обожает стряпать. Когда я нахожусь в городе, обычно мы собираемся в ее уютном небольшом бунгало в четырех кварталах от помещения фонда и вместе наслаждаемся долгой трапезой. Вики беспокоится о моем здоровье и режиме питания. Мэйзи тревожится по поводу моей личной жизни, но таковая просто-напросто отсутствует, и я из-за этого совершенно не переживаю.

Глава 5

Сибрук расположен в сельской глуши штата Флорида, вдали от быстро застраивающихся современных городов и загородных агломераций, в которых любят селиться пенсионеры. Тампа находится в двух часах езды к югу, Гейнсвилл – в часе к востоку. Хотя из Сибрука до залива можно доехать всего за сорок пять минут, местный участок побережья никогда не привлекал внимания девелоперских компаний, славящихся маниакальным стремлением застроить все, что только можно. Сам Сибрук с населением в 11 тысяч человек находится на территории округа Руис, в самом центре коммерческой активности захолустного региона. Отток людей в последнее время немного сдерживался интересом к этому месту пенсионеров. Их привлекает возможность найти здесь дешевое жилье на стоянках домов-автоприцепов. Мэйн-стрит, главная улица Сибрука, еще кое-как держится на плаву, однако и на ней есть несколько пустующих зданий. Зато на окраине городка имеется довольно много просторных домов, выставленных на продажу с большой скидкой. Местное здание суда – красивое строение в испанском стиле – выглядит весьма ухоженным, и в нем кипит жизнь. На ниве юридических услуг в округе Руис подвизаются примерно две дюжины адвокатов.

Двадцать два года назад один из них был найден мертвым в своем офисе, и впервые Сибрук за всю свою историю на несколько месяцев попал в заголовки газет. Юриста звали Кит Руссо, на момент смерти ему было тридцать семь лет. Его тело нашли позади стола, все вокруг было залито кровью. Юристу дважды выстрелили в голову из дробовика 12-го калибра, и от лица убитого почти ничего не осталось. Фотографии с места преступления выглядели ужасно и вызывали тошноту, по крайней мере у присяжных. В роковой для него декабрьский вечер Кит Руссо работал один у себя в кабинете. Незадолго до его смерти в здании отключилось электричество.

Кит занимался в Сибруке юридической практикой в течение одиннадцати лет вместе со своей женой и партнером Дианой Руссо. Детей у супругов не было. В течение первых нескольких лет работы совместной фирмы они напряженно трудились как юристы широкого профиля, не имеющие определенной специализации. Но при этом оба мечтали подняться на более высокий профессиональный уровень, уйдя от скуки составления завещаний и документов на право собственности и оформления разводов по обоюдному согласию сторон. Им хотелось стать судебными адвокатами и занять место в правоохранительной системе штата, что сулило большие выгоды. Однако конкуренция в этой сфере была исключительно острой. Так или иначе, супруги пытались зацепиться за какие-нибудь крупные дела.

Когда ее мужа убили, Диана находилась в парикмахерском салоне. Его тело она обнаружила через три часа после смерти супруга, забеспокоившись из-за того, что он не пришел вовремя домой и не отвечал на телефонные звонки. После похорон Диана практически перестала с кем-либо общаться и в течение нескольких месяцев носила траур. Офис фирмы закрыла, здание продала, а вскоре продала и дом и вернулась в Сарасоту, откуда была родом. Диана получила 2 миллиона долларов по страховке и унаследовала долю Кита в их совместных активах. Полис страхования жизни, который в свое время купил ее супруг, как и все обстоятельства его приобретения, тщательно рассмотрели в ходе расследования, но ни к чему не пришли. С самого начала брака супруги были горячими сторонниками страхования жизни. Такой же полис, как у мужа, имела и сама Диана.

Поначалу в деле не было подозреваемых – до тех пор, пока Диана не упомянула Куинси Миллера, в прошлом клиента юридической фирмы супругов Руссо, которому когда-то очень не понравилось, как с ним обошлись в компании. За четыре года до убийства Кит занимался делом о разводе Куинси, и клиент остался крайне недоволен результатом. Судья назначил ему в качестве алиментов гораздо более крупную сумму, чем Куинси, вероятно, мог себе позво-

лить, и это разрушило его жизнь. Когда Куинси вдобавок ко всему еще и не сумел выплатить адвокату гонорар, Кит прекратил заниматься его делом и отказался представлять его интересы, а к этому времени истек срок подачи апелляции. Куинси получал неплохие деньги, работая водителем грузовика в местной транспортной компании, но потерял место после того, как его бывшая жена завела против него дело о неисполнении финансовых обязательств. Не имея возможности платить, он объявил себя банкротом и в итоге сбежал. Куинси поймали, вернули в Сибрук и бросили за неуплату алиментов в тюрьму, где он просидел три месяца, прежде чем судья освободил его. Куинси снова сбежал, был арестован в Тампе за продажу наркотиков и отсидел год, после чего его выпустили условно-досрочно.

Неудивительно, что во всех своих бедах Куинси Миллер винил Кита Руссо. Большинство юристов города считали, что в данном случае Кит мог бы проявить больше решительности, отстаивая интересы своего клиента. Кит же терпеть не мог заниматься разводами и считал такой вид деятельности унизительным для юриста, мечтающего о резонансных судебных делах. По словам Дианы, Куинси по меньшей мере дважды приезжал к офису фирмы, угрожал ее служащим и требовал встречи со своим бывшим адвокатом. Правда, нигде не было зафиксировано, чтобы кто-то вызвал полицию. Диана также заявила, что Куинси звонил с угрозами на их с мужем домашний телефон, но супруги не сочли это достаточным основанием для того, чтобы сменить номер.

Орудие убийства так и не было найдено. Куинси поклялся, что у него никогда не было дробовика, однако его бывшая жена сообщила полицейским, что, по ее мнению, он у него имелся. Перелом в деле наступил через две недели после убийства, когда полиция конфисковала машину Куинси, предварительно заручившись ордером на ее обыск. В багажнике автомобиля нашли фонарик, на линзе которого были обнаружены крошечные пятнышки некоего вещества. Возникло предположение, что это кровь. Куинси утверждал, будто он этого фонарика никогда раньше не видел, но, опять-таки, его бывшая супруга заявила, что вещь принадлежит ему.

Быстро возникла рабочая версия, и вскоре было объявлено, что преступление раскрыто. Полицейские пришли к выводу, что Куинси тщательно спланировал нападение и выждал момент, когда Кит останется один и задержится в офисе допоздна. По версии следствия, Куинси отключил в здании электричество, испортив счетчик, расположенный позади строения, и вошел через незапертую дверь черного хода. Поскольку Куинси приходилось несколько раз бывать в офисе Кита, он хорошо знал, где ему следует искать свою жертву. Воспользовавшись фонариком, Куинси ворвался в кабинет Руссо, произвел два выстрела из дробовика и покинул место преступления. Учитывая, что кровь забрызгала все вокруг, представлялось логичным, что она могла попасть на многие предметы в кабинете.

В двух кварталах от места преступления наркоманка Кэрри Холланд, находившаяся на боковой улочке, видела, как чернокожий мужчина быстро бежит прочь от того места, где произошло убийство. В руках он держал нечто похожее на палку, но что именно, она не разглядела. Куинси Миллер действительно чернокожий. При этом 80 процентов населения Сибрука составляют белые, 10 процентов – чернокожие и еще 10 – выходцы из Латинской Америки. Оpoznать Куинси Кэрри не смогла, но поклялась, что он такого же роста и сложения, как тот мужчина, которого она видела в день убийства.

Адвокату, назначенному для защиты интересов Куинси Миллера, удалось добиться передачи рассмотрения дела в другой суд. Процесс состоялся в соседнем округе. Жюри на 83 процента состояло из белых. Чернокожий в его составе был всего один.

Содержательная суть процесса так или иначе вращалась вокруг фонарика, обнаруженного в багажнике машины Куинси. Судмедэксперт из Денвера засвидетельствовал, что, учитывая положение тела, место, с которого, видимо, были произведены выстрелы из дробовика, рост убитого и убийцы, а также количество крови, забрызгавшей стены, пол, книжные полки

и комод, он совершенно уверен, что фонарик в момент убийства находился на месте преступления. Таинственные пятнышки на линзе были квалифицированы как «мельчайшие брызги крови». Они были слишком малы, чтобы можно было провести анализ, и их совпадение с параметрами крови Кита установлено не было. Однако, несколько не смущаясь данным обстоятельством, эксперт сообщил присяжным, что пятнышки – это определенно следы крови. Здесь следует особо отметить, что, как признал сам эксперт, самого фонарика он не видел, но «все-сторонне» изучил его цветные фотографии, сделанные представителями следствия. Фонарик же за несколько месяцев до судебного процесса вообще исчез.

Диана с уверенностью засвидетельствовала, что ее муж хорошо знал своего бывшего клиента Куинси Миллера и панически боялся его. По ее словам, супруг много раз признавался ей, что испытывает страх перед Куинси. И порой даже носил при себе пистолет.

Показания против Куинси дала и Кэрри Холланд, причем весьма подробные. Однако она все же не указала на него прямо как на убийцу. Отрицала, что ее принудили свидетельствовать в пользу стороны обвинения, и отказалась признать, что ей предлагали в качестве компенсации некие поблажки при рассмотрении выдвинутого против нее обвинения в хранении наркотиков.

Пока Куинси ждал суда, его перевезли в тюрьму в Гейнсвилле. Не были даны никакие объяснения по поводу того, зачем был нужен этот перевод. Куинси провел там неделю, после чего его снова вернули в Сибрук. Однако пока он находился в гейнсвиллской тюрьме, его держали в одной камере с осведомителем Зеке Хаффи. Впоследствии тот засвидетельствовал, что Куинси хвастался совершенным убийством и расценивал его как повод для гордости. Было установлено, что Хаффи известны детали преступления – в частности, калибр использованного дробовика и то, сколько выстрелов из него было произведено. Еще большую убедительность его показаниям перед жюри присяжных придало то, что, по словам Хаффи, Куинси со смехом рассказывал ему, как на следующий день после совершения преступления поехал на машине на побережье и выбросил дробовик в залив.

Следователь из полиции штата показал, что отпечатков пальцев Куинси ни на месте преступления, ни на металлическом шкафу электросчетчика обнаружено не было. Он объяснил это тем, что «вероятно, преступник действовал в перчатках».

Свои показания, а также большие цветные фотографии с места преступления представил присяжным и патологоанатом. Адвокат защиты выступил резко против использования снимков в качестве улик, заявив, что они способны оказать давление на жюри, склонить его участников к необоснованным выводам и даже произвести на них подстрекательский эффект. Однако судья все же позволил приобщить фото к доказательной базе. Некоторые присяжные заседатели были явно шокированы страшными снимками. На них Кит был запечатлен весь в крови и фактически без лица. По поводу причины смерти у тех, кто видел эти фотографии, не могло остаться никаких сомнений.

Из-за того, что у Куинси Миллера уже имелись проблемы с законом и уголовное прошлое, он не давал показаний в ходе процесса. Его назначенному судом адвокату, молодому, неопытному юристу Тайлеру Таунсенду, на тот момент не было еще и тридцати лет. Тот факт, что прежде ему ни разу не доводилось защищать клиента, обвиняемого в убийстве при отягчающих обстоятельствах, в обычной ситуации должен был послужить основанием для апелляции. Но не в случае с делом Куинси Миллера. Впрочем, Таунсенд защищал своего клиента очень старательно, весьма энергично проводя перекрестные допросы свидетелей и подвергая сомнению каждую улику, предъявляемую стороной обвинения. Он постоянно вступал в споры с экспертами и критиковал их выводы, указывал на пробелы в их версиях, насмеялся над управлением шерифа, сотрудники которого умудрились потерять самую главную улику – фонарик. Таунсенд размахивал цветными фотографиями фонарика перед присяжными и допытывался, можно ли с уверенностью утверждать, что мельчайшие пятнышки на стекле осветительного прибора – это именно брызги крови. Он открыто поднял на смех Кэрри Холланд и Зеке Хаффи

и назвал их лжецами. Предположил, что Диана Руссо вовсе не безутешная вдова, и даже заставил ее расплакаться во время перекрестного допроса, что, впрочем, было не так уж трудно. Судья в ходе процесса многократно делал ему предупреждения, но это не производило на Тайлера Таунсенда никакого впечатления – он продолжал действовать в своей манере. Адвокат так рьяно сражался за клиента, что присяжные зачастую даже не могли скрыть презрения к нему. Процесс окончательно стал скандальным после того, как молодой Тайлер Таунсенд открыто раскритиковал представителей офиса прокурора, выступил с обличительной речью в адрес свидетелей обвинения и оскорбил судью.

При этом защита представила имевшееся у ее клиента алиби. Согласно показаниям Валери Купер, в момент, когда было совершено убийство, Куинси Миллер был у нее. Женщина, о ком идет речь, была матерью-одиночкой, проживавшей в городке Эрнандо, который находится в часе езды от Сибрука. Валери познакомилась с Куинси в баре. Между ней и Куинси возникли близкие отношения; они то затухали, то возобновлялись. Валери заявила, что совершенно уверена: во время убийства Кита Куинси был рядом с ней. Однако, когда она заняла место в ложе для свидетелей и стала давать показания, обвинению удалось ее запугать, и ее выступление выглядело неубедительным. А когда представитель офиса прокурора сообщил, что Валери Купер привлекалась к ответственности за наркотики, она сломалась и отказалась от своих показаний.

Страстное заключительное выступление Тайлер Таунсенд построил на тезисе, согласно которому, держа в руке одновременно дробовик 12-го калибра и фонарик, почти невозможно произвести один за другим два выстрела в голову человека и оба раза попасть в цель. Кажется, присяжные, в большинстве своем жители сельской местности, это понимали, однако данное обстоятельство практически не меняло дела. Умоляя присяжных вынести оправдательный вердикт, Тайлер даже прослезился.

Но у него ничего не получилось. Жюри без долгих размышлений сочло Куинси виновным в убийстве. Вопрос о его наказании оказался более сложным – тут присяжные заколебались. Наконец после двух дней упорных и жарких дискуссий единственный чернокожий член жюри предложил назначить осужденному наказание в виде пожизненного тюремного заключения без права условно-досрочного освобождения. В итоге такое решение и было принято, хотя одиннадцать белых присяжных были разочарованы тем, что не смогли настоять на вынесении смертного приговора.

По делу Куинси одна за другой подавались апелляции – и всякий раз на всех уровнях судебной системы вынесенный ему приговор единогласно подтверждался. Осужденный пытался доказать свою невиновность уже в течение двадцати двух лет, но никто его и слушать не хотел.

Молодой Тайлер Таунсенд был сломлен поражением и после него так и не сумел построить карьеру адвоката. Городок Сибрук был настроен против него, и его так толком и не сформировавшаяся адвокатская практика сошла на нет. Вскоре после того, как чередой была отклонена, он сдался и уехал в Джексонвилл, где сначала начал работать на полставки как общественный защитник, а затем и вовсе перестал заниматься юриспруденцией и ушел в другую сферу деятельности.

Фрэнки нашел Таунсенда в Форт-Лодердейле, где он, похоже, вполне счастливо живет с семьей и хорошо зарабатывает, успешно занимаясь девелопментом бизнес-центров вместе со своим тестем. Чтобы войти с ним в контакт, потребуется проявить осторожность и все тщательно продумать – к счастью, мы это умеем.

Диана Руссо в Сибрук никогда не возвращалась и, насколько нам известно, замуж больше не вышла, хотя мы в этом не уверены. Вики сотрудничает с одной частной компанией, связанной с вопросами безопасности, которую мы порой нанимаем для выполнения отдельных поручений. С ее помощью год назад Диану удалось найти на острове Мартиника. Если еще

заплатить нашим наемным «шпионам», они могут копнуть глубже и предоставить нам больше информации. Однако на данный момент этот расход вряд ли себя оправдает. Попытки побеседовать с Дианой, скорее всего, будут потерей времени.

Наша цель – освободить из тюрьмы Куинси Миллера. Найти настоящего убийцу для нас не является приоритетом. Чтобы решить главную задачу, мы должны развалить версию государственного обвинения. Раскрытие же преступления – дело других людей, хотя можно смело сказать, что через двадцать два года после вынесения приговора этим никто не занимается. Штат Флорида признал обвиняемого виновным и вынес ему приговор. А правда никого не интересует.

Глава 6

Последние восемь лет Куинси провел в тюрьме под названием Коррекционный институт Гарвина. Она находится вблизи небольшого городка Пекэм, располагающегося в сельской местности, примерно в часе езды на север от Орландо. Впервые я побывал там четыре месяца назад – в качестве священника, удовлетворяющего духовные нужды заключенных. Тогда на мне была старая черная рубашка со стоячим воротничком. Приходится удивляться, насколько больше уважения я вызываю у окружающих как священник, чем как юрист, по крайней мере, в тюрьмах и их окрестностях.

Воротничок я надел и сегодня – чтобы запутать охрану. Вики подготовила все необходимые бумаги, и в них я оформлен как адвокат Куинси. Дежурный у входа внимательно изучает документы, смотрит на мой стоячий воротничок. У него явно возникают вопросы, но он слишком сбит с толку, чтобы их задавать. Я достаю свой мобильный телефон, прохожу через сканеры, а затем целый час жду в мрачном помещении для посетителей, просматривая местные таблоиды и в который раз с грустью размышляя о том, куда катится мир. Наконец за мной приходят. Следуя за охранником, я выхожу из первого здания тюрьмы и шагаю по дорожке, обрамленной с одной стороны забором и несколькими рядами колючей проволоки. Много раз мне приходилось бывать в качестве посетителя в тюрьмах, и их вид изнутри меня уже не шокирует. При том что заведения пенитенциарной системы отличаются друг от друга, между ними есть некое сходство: все они состоят из приземистых бетонных зданий квадратной и прямоугольной формы, без окон; во внутренних двориках, предназначенных для прогулок, толкуются, убивая время, мужчины в одинаковых тюремных робах. На вышках по периметру стоят охранники – они взирают на меня с презрением, потому что я здесь всего лишь посетитель, пытающийся чем-то помочь мерзавцам, которых они стерегут. Мы входим в другое здание и оказываемся в просторной комнате с целым рядом маленьких кабинок, отгороженных от основного помещения сверхпрочным пластиком. Охранник открывает дверь в одну из них, и я шагаю внутрь.

Куинси уже на месте, по ту сторону толстой пластиковой преграды. Дверь за мной закрывается, и мы остаемся наедине. Чтобы как можно больше затруднить общение во время визитов, отверстий в перегородке нет, и нам приходится разговаривать с помощью массивных телефонов, изготовленных по меньшей мере три десятилетия назад. Если я захочу передать своему клиенту какой-нибудь документ, мне придется вызывать охранника, который сначала изучит бумагу, а затем отправится в другую, отделенную барьером часть помещения.

Куинси улыбается и постукивает кулаком по разделяющему нас пластмассовому щиту. Я приветствую его таким же образом – это заменяет рукопожатие. Моему клиенту сейчас пятьдесят один год, но, если бы не седина в волосах, он вполне мог бы сойти за сорокалетнего. Ежедневно Куинси тренируется со штангой и гантелями, занимается карате, старается ограничивать себя в дрянной тюремной пище и остается стройным и подтянутым. И еще он увлекается медитацией. Сняв трубку своего телефона, Куинси говорит в нее:

– Мистер Пост, хочу поблагодарить вас за то, что вы взялись за мое дело.

Глаза Куинси сразу наполняются слезами, а голос срывается. В течение последних пятнадцати лет у него не было ни адвоката, ни какого-либо законного представителя – вообще никого. Никто на свете не предпринимал попыток доказать его невиновность. Из собственного уже весьма богатого опыта я знаю, что одно только это для невинно осужденного – почти невыносимая ноша, гнетущая его душу. Порочная, прогнившая судебная система упрятала человека в тюрьму, и нет никого, кто бросил бы ей вызов. Заключенному в таких случаях тяжело примириться уже с тем фактом, что его, не совершившего преступления, осудили. Если же никто не пытается доказать его правоту, он чувствует себя совершенно беспомощным.

– Не стоит благодарности, – говорю я. – Для меня честь находиться здесь. Большинство моих клиентов называют меня просто Пост, так что обойдемся без «мистера».

Человек по ту сторону прозрачного пластикового барьера снова улыбается.

– Договорились. А я просто Куинси.

– Все бумаги подготовлены, так что я официально в деле. Есть по этому поводу какие-нибудь вопросы?

– Да. Вы больше похожи на священника. Почему на вас этот воротничок?

– Я методистский священник, и воротничок иногда помогает мне добиться более уважительного отношения.

– Когда я был ребенком, у нас был пастор, он тоже носил такую штуку. Никогда не понимал, зачем он это делал.

Раньше Куинси Миллер посещал африканскую методистскую церковь, а священники этого религиозного направления действительно носят стоячие воротнички. Став подростком, он отошел от религии и в церковь ходить перестал. В восемнадцатилетнем возрасте женился на своей подруге, потому что она забеременела. Брак оказался непрочным, но у супругов, кроме первенца, успели родиться еще двое детей. Мне известны их имена, адреса и места работы, и я знаю, что они ни разу не общались с отцом после суда над ним. Бывшая жена дала свидетельские показания против него. Куинси Миллера навещает только его единственный брат Марвис. Он делает это раз в месяц и порой присылает Куинси небольшие денежные переводы.

Куинси рад тому, что жив. Ему спас жизнь единственный чернокожий, входивший в состав жюри присяжных. Если бы не он, Куинси отправился бы в камеру смертников, причем в то самое время, когда в штате Флорида весьма активно приводили в исполнение смертные приговоры.

Досье фонда «Блюститель» на Куинси объемное, как на всех заключенных, дела которых мы изучаем. Мы знаем о нем все, что только можно было выяснить.

– Так чем мы сейчас займемся, Пост? – с улыбкой интересуется он.

– Нам надо проделать большую работу. Начнем с места преступления и все изучим.

– Но ведь прошло очень много времени.

– Это правда, но, хотя Кит Руссо мертв, люди, дававшие показания против вас, пока живы. Мы разыщем их, попытаемся заручиться их доверием и послушаем, что они скажут теперь.

– А как насчет того осведомителя?

– Знаете, это удивительно, но наркотики до сих пор не убили его. Хаффи снова в тюрьме, на сей раз в штате Арканзас. Он провел за решеткой девятнадцать из своих сорока лет – и все из-за дури. Я съезжу с ним повидаться.

– Вы ведь не ждете, что он признается, что солгал, верно?

– Все может быть. Когда имеешь дело с тюремными осведомителями, ничего нельзя сказать наверняка. Бывает и так, что профессиональные лжецы отказываются от своего вранья. За все время пребывания за решеткой этот тип снабжал обвинение ложными доносами по меньшей мере еще по пяти делам – и все это ради того, чтобы договориться с копами. Однако он ничего не выиграет, если будет придерживаться версии, которую озвучил присяжным во время процесса над вами.

– Никогда не забуду, как привели этого парня – всего такого чистенького, в белой рубашке и галстук. Я его поначалу даже не узнал. Ведь с тех пор, как мы сидели с ним в одной камере, прошло несколько месяцев. Когда он начал рассказывать про то, что я якобы признался ему в убийстве, мне захотелось заорать на него. Было ясно, что детали преступления ему сообщили копы – и про то, что в здании отключили электричество, и про то, что убийца использовал фонарик, и про многое другое. Да что там – про все. Все, что он сказал, было враньем – от первого до последнего слова. Я тогда сидел, слушал Хаффи и думал: «Господи, ведь этот

парень поклялся говорить только правду. Судья должен делать так, чтобы все свидетели говорили правду. А прокурор знает, что его свидетель лжет. Ему прекрасно известно, что этот тип заключил сделку с копами, чтобы спасти свою задницу. Все это знают – кроме болванов-присяжных».

– Мне стыдно это говорить, но подобное случается постоянно, Куинси. В этой стране тюремные осведомители каждый день занимаются лжесвидетельством. В других цивилизованных странах им запрещено давать показания – но не у нас.

После моих слов Куинси закрывает глаза и качает головой, а затем произносит:

– Что же, когда увидите этот кусок дерьма, скажите ему, что я о нем еще не забыл.

– Если вы будете думать о мести, делу это не поможет, Куинси. Вы только себе нервы истреплете.

– Наверное. Но у меня много времени, а потому я могу размышлять о разных вещах. Вы собираетесь поговорить с Джун?

– Если она согласится мне что-нибудь сообщить.

– Готов побиться об заклад, что откажется.

Бывшая жена Куинси снова вышла замуж через три года после процесса над ним, затем развелась, потом вступила в брак еще раз. Фрэнки нашел ее – выяснилось, что она живет в Таллахасси и зовут ее теперь Джун Уокер. Судя по всему, ей удалось как-то наладить свою жизнь, связав ее с Отисом Уокером, электриком, работающим в студенческом городке университета штата Флорида. Живут супруги в районе, где селятся главным образом представители среднего класса, причем преобладают чернокожие. У Уокеров один общий ребенок. Еще у Джун пятеро внуков от детей, рожденных ею в первом браке, – внуков, которых Куинси, их дед, ни разу не видел даже на фото. После суда ему не доводилось встречаться и со своими тремя детьми – в его памяти они остались малышами, в этом смысле время для него будто остановилось.

– А почему бы ей со мной не поговорить? – произношу я.

– На суде она тоже наврала. Слушайте, Пост, они ведь все лгали, верно? Даже эксперты.

– Что касается экспертов, то я не уверен, что они ввали намеренно. Скорее просто не имели никакой научной подготовки и не были компетентными специалистами.

– Да какая разница! Вы только подумайте. Черт побери, я отлично знаю, что Джун солгала. Она наврала насчет дробовика и фонарика. И еще когда сказала присяжным, что я находился где-то в городе в ночь убийства.

– А почему она это сделала, Куинси?

Он с недоверчивым видом качает головой, словно мой вопрос кажется ему глупым. Куинси откладывает трубку телефона, трет пальцами глаза и опять подносит трубку к лицу.

– Между нами ведь была война, Пост. Нам не следовало вступать в брак, а потом обоим чертовски нужен был развод. Во время процедуры развода Руссо здорово мне напакостил, а вскоре выяснилось, что я не могу платить алименты. Моя бывшая не работала и едва сводила концы с концами. Когда я начал задерживать выплаты, она стала подавать на меня в суд – иск за иском. Развод был тяжелым, но то, что последовало за ним, оказалось в сто раз тяжелее. Мы все больше ненавидели друг друга. Когда меня арестовали за убийство, я уже задолжал по платежам тысяч сорок баксов. Наверное, и сейчас все это на мне висит – хоть снова со мной тяжбу затевай, черт побери.

– Значит, жена хотела вам отомстить?

– Да она меня просто ненавидела. У меня никогда не было дробовика, Пост. Проверьте по документам.

– Мы это уже сделали. Действительно, все чисто.

– Вот видите.

– Однако документы в таких вопросах большого значения не имеют, особенно в этом штате. Есть сотня способов раздобыть оружие без всяких бумаг.

– Кому вы верите, Пост, мне или этой лживой бабе?

– Если бы я не верил вам, Куинси, меня бы здесь не было.

– Да. Ну, насчет дробовика я как-то еще могу понять, но почему она соврала насчет фонарика? Я его прежде никогда не видел. Черт, они ведь даже не смогли предъявить его на суде.

– Ну, если допустить, что ваш арест, судебный процесс над вами и вынесенный вам приговор были звеньями некоего плана, цель которого состояла в том, чтобы подставить невинного человека, то приходится сделать вывод, что полиции нужно было заявление Джун о том, что фонарик принадлежал вам. А ее мотивом была ненависть.

– А как бы я смог заплатить то, что задолжал, находясь в камере смертников?

– Важный вопрос. Вы, видимо, хотите, чтобы я проник в ее сознание?

– Ох, не надо, не делайте этого. Она же, черт бы ее побрал, чокнутая на всю голову.

Мы оба смеемся. Куинси встает, потягивается и спрашивает:

– Сколько времени вы сегодня будете здесь, Пост?

– Три часа.

– Знаете что, Пост? Площадь моей камеры шесть на десять футов. То есть примерно такая же, как у этой каморки, в которой мы с вами сейчас находимся. Мой сокамерник – белый парень. Он тоже откуда-то из южных штатов, сидит за наркотики. Неплохой человек. Не худший вариант, когда речь идет о сокамернике. Но вы можете представить, что это такое – постоянно, день за днем, год за годом находиться в клетке рядом с другим человеком?

– Нет.

– Конечно, поначалу мы с ним вообще не разговаривали, больше года ни словом не обмолвились.

– Почему?

– Мы друг друга терпеть не могли. Нет, в принципе, я ничего не имею против белых, Пост, но между ними и нами, чернокожими, много различий. Взять хотя бы музыку. Я слушаю Мотаун, а ему нравится эта чушь – кантри. Моя койка всегда аккуратно заправлена – прямо конфетка. А этот тип – настоящий неряха. Я к наркотикам даже не притрагиваюсь. Он – часто обдолбанный. Ладно, не буду больше об этом, Пост. Извините, что вообще затронул эту тему. Сам ненавижу нытиков. Я рад, что вы здесь, Пост. Вы даже не представляете насколько.

– Для меня честь быть вашим адвокатом, Куинси.

– Но почему? Вы ведь не так чтобы очень много зарабатываете? То есть, я хочу сказать, представляя интересы таких людей, как я, больших денег не сделаешь.

– По-моему, вопрос о гонораре мы не обсуждали. Или я ошибаюсь?

– Пришлите мне счет. Тогда вы сможете подать на меня в суд.

Мы снова смеемся. Потом Куинси садится, держа трубку у уха.

– Нет, серьезно, кто вам платит?

– Я сотрудник некоммерческой организации – и да, мой доход действительно невелик. Но я работаю не ради денег.

– Да благословит вас бог, Пост.

– Согласно показаниям Дианы Руссо, вы по меньшей мере дважды приходили к ним в офис и угрожали Китау. Это правда?

– Нет. Когда я разводился, я несколько раз заходил к нему в офис, но перестал это делать, когда вопрос решился. Потом уже однажды, когда он не захотел говорить со мной по телефону, я отправился к нему на работу, размышляя о том, не прихватить ли с собой бейсбольную битку и не вышибить ли ему мозги. Но там внизу стояла дежурная, невысокая такая, и она сообщила мне, что Кита нет на месте, мол, он в суде. Это было вранье, поскольку его машина – дорогая, черный «Ягуар» – была припаркована позади здания. Я знал, что дежурная лжет, и собрался

уже устроить скандал, но передумал, прикусил язык и ушел, и больше туда уже не возвращался. Клянусь, это правда, Пост. Диана наврала, как и все остальные.

– Еще она показала, что несколько раз вы звонили ей и Киту домой и угрожали ее мужу.

– Опять ложь. Телефонные звонки оставляют следы, Пост. Я не такой дурак. Мой адвокат, Тайлер Таунсенд, пытался добыть распечатки звонков в телефонной компании, но Диана не дала ему этого сделать. Он попробовал получить специальный ордер, однако не успел – процесс пошел слишком быстро. А после того, как меня осудили, судья ордер уже не выдал. В общем, те распечатки мы так и не получили. Кстати, вы разговаривали с Тайлером?

– Нет, но он в списке тех, с кем я собираюсь побеседовать. Мы знаем, где его найти.

– Хорошая работа, Пост, правда, хорошая. Этот молодой человек поверил мне и дрался, как черт, как настоящий бульдог. Я знаю, что у вас, юристов, плохая репутация, но этот Тайлер – отличный парень.

– Вы с ним как-то общаетесь?

– Уже нет. Столько времени прошло. В течение нескольких лет мы с Тайлером переписывались, а потом он бросил юриспруденцию. Однажды написал мне, что мое дело сломило его дух. Тайлер ведь знал, что я невиновен, и, когда проиграл процесс, просто перестал верить в систему правосудия. Он написал, что не хочет больше быть ее частью. Лет десять назад Тайлер был проездом в этих местах по каким-то делам и навестил меня. Я был очень рад его видеть, но его визит вызвал у нас обоих тяжелые воспоминания. Знаете, он даже расплакался.

– У него была версия по поводу того, кто мог быть настоящим убийцей?

Куинси опускает трубку и смотрит на потолок так, словно я задал не только сложный, но и небезопасный вопрос. Затем он снова подносит трубку к уху.

– Вы доверяете этим телефонам, Пост?

Прослушивать конфиденциальные переговоры между адвокатом и его клиентом запрещено законом, но подобное все же случается. Поэтому я качаю головой.

– Вот и я тоже, – кивает Куинси. – Но мои письма к вам находятся в надежном месте?

– Да.

Сотрудники тюремной администрации не имеют права вскрывать почту, касающуюся юридических вопросов, и мой опыт свидетельствует, что они этого не делают. Слишком уж легко заметить, что письма распечатывали.

Куинси знаками дает мне понять, что ответит на интересующий меня вопрос в очередном послании.

То, что, проведя двадцать два года в тюрьме, которая, по идее, должна служить надежной защитой от внешнего мира, Куинси Миллер все еще опасается за свою безопасность, – весьма красноречивый факт. Кита Руссо убили не просто так, а по какой-то серьезной причине. Не Куинси Миллер, а кто-то другой спланировал это преступление, четко и точно осуществил свой план и избежал наказания. Все, что последовало за этим, было продуманной схемой, направленной на то, чтобы подставить другого человека, и в ней были задействованы несколько заговорщиков. Что ж, все это совершили мозговитые люди, кто бы они ни были и где бы сейчас ни находились. Возможно, найти их не удастся, но, если бы я не считал, что мы сумеем доказать невиновность Куинси, я бы сейчас не сидел в помещении для свиданий с заключенными и не разговаривал бы с ним.

Да, те, кто все спланировал и осуществил, все еще на свободе, и Куинси по-прежнему думает о них.

Три часа проходят быстро. За это время мы успеваем поговорить на многие темы: о книгах (Куинси прочитывает две или три в неделю); о тех людях, которых мне уже удалось вызволить (моему собеседнику интересно все, что касается тех, кого наш фонд сумел освободить); о политике (мой клиент читает газеты и журналы и остается в курсе основных событий); о музыке (ему нравятся композиции, написанные в 60-х годах в Детройте и его окрестностях);

о системе исправительных учреждений (Куинси очень не нравится, что в ней так мало делается для социальной реабилитации заключенных); наконец, о спорте (у моего клиента в камере есть маленький цветной телевизор, так что он может смотреть в прямом эфире соревнования и матчи – даже по хоккею). Когда охранник стучит в мою дверь, я прощаюсь с Куинси Миллером и обещаю, что вернусь. Мы снова символически соприкасаемся кулаками через прозрачный пластиковый экран, и мой клиент в очередной раз благодарит меня.

Глава 7

«Шевроле-импала», принадлежащий Отису Уокеру, находится на стоянке для сотрудников позади здания хозяйственной службы, которое расположено с краю университетского городка. Фрэнки, припарковавшись неподалеку, ждет. Машина Отиса 2006 года выпуска. Приобрел ее Отис уже с пробегом, а профинансировал покупку какой-то кредитный союз. У Вики есть все данные, которые только возможно было раздобыть. Вторая жена Отиса, Джун, ездит на «Тойоте»-седане, причем автомобиль не в залоге. Шестнадцатилетний сын Отиса и Джун пока не имеет водительских прав.

Вскоре после пяти Отис Уокер выходит из здания в компании двух коллег и направляется к автостоянке. Фрэнки вылезает из своей машины и делает вид, будто проверяет, не проколото ли у него одно из колес. Коллеги Отиса прощаются и идут к своим автомобилям. Сам Отис уже готов открыть переднюю дверь «Импалы» с водительской стороны, когда рядом с ним буквально из ниоткуда вдруг возникает Фрэнки со словами:

– Скажите, мистер Уокер, у вас найдется несколько секунд?

На лице Отиса сразу появляется выражение подозрительности, но Фрэнки – симпатичный чернокожий парень с приятной улыбкой, и к тому же Отис – не первый незнакомец, к кому он подошел.

– Наверное, – отвечает Уокер.

Фрэнки протягивает ему руку и произносит:

– Меня зовут Фрэнки Татум. Я дознаватель, работаю на одного юриста из Саванны.

Теперь подозрительность проступает на лице Отиса более явственно. Он открывает дверцу автомобиля, бросает в салон контейнер из-под ланча, снова захлопывает дверцу и нехотя цедит:

– Ну, дальше?

Фрэнки шутливым жестом поднимает руки, словно сдается, и продолжает:

– Я пришел с миром. Просто пытаюсь раздобыть информацию по одному старому делу.

С белым человеком после таких слов категорически отказались бы разговаривать, но Фрэнки действительно выглядит безобидно.

– Я слушаю, – произносит Отис.

– Уверен, ваша жена рассказывала вам о своем первом муже, Куинси Миллере.

При упоминании этого имени у Отиса слегка опускаются плечи, однако любопытство одерживает верх, и он решает продолжить разговор.

– Немногое, – кивает он. – Причем очень давно. А какое вы имеете отношение к Куинси?

– Юрист, на которого я работаю, представляет его интересы. Мы убеждены, что Куинси, осужденного за убийство, подставили, и пытаемся это доказать.

– Что ж, желаю успеха. Но только Куинси получил то, что заслужил.

– На самом деле это не так, мистер Уокер. Куинси невиновен, и он отсидел двадцать два года в тюрьме за преступление, которое совершил кто-то другой.

– Вы действительно в это верите?

– Я – да. И адвокат, на которого я работаю, тоже.

Отис на мгновение задумывается. За ним не числится никаких нарушений закона, он никогда не сидел в тюрьме, но его двоюродный брат мотает срок за нападение на офицера полиции. В белой Америке тюрьмы – это полезные учреждения, где плохие парни отбывают наказание за совершенные ими преступления. В Америке чернокожих тюрьмы предназначены для того, чтобы убрать часть цветного населения с улиц.

– Ну и кто же убил того адвоката? – интересуется Отис.

– Мы не знаем и, не исключено, не узнаем этого никогда. Однако все же пытаемся выяснить правду и вытащить Куинси из тюрьмы.

– Не уверен, что могу вам помочь.

– Но ваша жена может. На суде она дала свидетельские показания против Куинси. Наверняка она вам об этом рассказывала.

Отис пожимает плечами и оглядывается.

– Вероятно, но это было очень давно. Жена уже много лет не упоминала о Куинси.

– Я могу с ней поговорить?

– О чем?

– О ее показаниях. Она сказала неправду, мистер Уокер. Ваша жена заявила присяжным, что у Куинси был дробовик 12-го калибра. Именно он стал орудием убийства, однако дробовик этот принадлежал кому-то другому.

– Послушайте, я познакомился с Джун через несколько лет после убийства. И вообще-то до меня – и после Куинси – у нее был еще один муж. Я, так сказать, номер три, понимаете? Я знаю, что в молодости Джун приходилось тяжело, но сейчас у нас с ней все хорошо. Поэтому ей меньше всего нужны какие-то неприятности, связанные с Куинси Миллером.

– Я прошу вас помочь мне, Отис, только и всего. Менее чем в двух часах езды отсюда в тюрьме сидит наш брат, чернокожий. Белые полицейские, белый прокурор и белые присяжные обвинили его в том, что он убил белого адвоката. Но все было не так.

Отис сплевывает, прижимается к дверце автомобиля и скрещивает руки на груди. Фрэнки продолжает мягко настаивать:

– Послушайте, я сам отсидел в Джорджии четырнадцать лет за убийство, которое совершил кто-то другой. И я знаю, что это такое. Мне повезло, я смог выйти на свободу, но там осталось еще несколько невиновных заключенных. Таких парней, как вы и я. Нас много сидит в камерах. Правоохранительная система устроена так, что работает против нас, Отис. Мы только пытаемся помочь Куинси.

– Какое отношение ко всему этому имеет Джун?

– Она никогда не рассказывала вам про фонарик?

После секундной паузы Отис качает головой. Фрэнки же старается сделать так, чтобы беседа текла безостановочно.

– В деле фигурировал фонарик со следами крови. Копы сообщили, что он находился на месте преступления. Куинси этого фонарика в глаза не видел и уж тем более к нему не прикасался. Джун заявила присяжным, будто у него был похожий. Но это неправда, Отис. Неправда. Еще она сказала членам жюри, что в ночь убийства Куинси находился где-то в Сибруке. И это тоже ложь. Он был в часе езды от города в компании своей подружки.

Отис женат на Джун уже семнадцать лет. Фрэнки полагает, что он в курсе того, что его супруга дала ложные показания в ходе судебного процесса, а потому не следует ходить вокруг да около.

– Вы хотите сказать, что она лгунья? – усмехается Отис.

– Нет, во всяком случае, теперь – нет. Но вы сами говорили, что в прошлом Джун была другой женщиной. Они с Куинси пребывали в состоянии войны. Он задолжал ей большую сумму денег и был не в состоянии выплатить ее. Полицейские надавили на Джун, чтобы она дала нужные им показания против Куинси.

– Все это было очень давно, приятель.

– Вы правы. Можете спросить об этом Куинси – уж он-то точно это знает. Он сидит в тюрьме уже двадцать два года.

– Ну хорошо, предположим, тогда Джун сказала неправду. Вы ожидаете, что сейчас она это признает? Бросьте.

– Я лишь хочу с ней поговорить. Мне известно, где Джун работает. Я мог бы отправиться прямо туда, но мы не действуем таким образом. Мы не нападаем на людей из засады, Отис. Я уважаю вашу частную жизнь и прошу у вас позволения побеседовать с женой. Вот и все.

– Все равно это похоже на нападение из засады.

– А что еще мне оставалось делать? Отправить вам письмо по электронной почте? Послушайте, я скоро уезжаю из города. Поговорите с ней и послушайте, что она скажет.

– Я знаю, что она скажет. Что у нее нет ничего общего с Куинси Миллером.

– Боюсь, все-таки есть. – Фрэнки протягивает собеседнику визитную карточку фонда «Блюститель». – Вот мой номер телефона. Я просто прошу вас об одолжении.

Отис Уокер берет карточку и прочитывает все, что написано с обеих сторон.

– Ваша фирма имеет отношение к какой-то церкви?

– Нет. Просто человек, который занимается данным делом и который когда-то вытаскил из тюрьмы меня, еще и священник. Это хороший парень. У него такая работа – вытаскивать из тюрьмы невиновных.

– Он белый?

– Ага.

– Наверняка какой-то мерзкий тип.

– Вам он понравится. И Джун тоже. Дайте нам шанс, Отис.

– Не слишком на это рассчитывайте.

– Спасибо, что уделили мне время.

– Ладно, не за что.

Глава 8

У нас в фонде «Блюститель» есть целая библиотечка брошюр, которые мы используем в зависимости от того, чьим именно делом занимаемся в том или ином случае. Если нам предстоит работать с белым мужчиной, я беру ту, на обложке которой красуется моя улыбающаяся физиономия со стоячим пасторским воротничком под подбородком. Если наш клиент – белая женщина, в ход идет та, где на обложке фото Вики. Чернокожие клиенты получают экземпляр брошюры с Мэйзи, держащей за руку освобожденного из тюрьмы афроамериканца. Мы любим подчеркивать, что цвет кожи для нас не имеет значения, однако это не всегда так. Частенько мы играем на расовых предрассудках людей, чтобы открыть те или иные двери.

Поскольку Зеке Хаффи белый, я послал ему брошюру со своей фотографией, а также составленное в непринужденном стиле письмо, в котором сообщил ему, что его судьба привлекла внимание нашего маленького фонда и мы собираемся заняться его делом. Две недели спустя я получил написанное от руки письмо на разлинованном тетрадном листке, в котором Зеке поблагодарил меня за проявленный интерес. Как обычно в таких случаях, в следующем послании я спросил, не нужно ли ему что-нибудь. В свою очередь, Зеке, что неудивительно, попросил денег. Я отправил ему 200 долларов через систему переводов «МаниГрэм» и еще одно письмо, в котором поинтересовался, не будет ли он возражать, если я его навещу. Разумеется, возражений не последовало.

Зеке – уголовник со стажем, успевший посидеть в тюрьмах трех штатов. Родился он неподалеку от Тампы, но его родственников нам найти не удалось – даже попытки напасть на след кого-либо из них ничего не дали. В возрасте двадцати пяти лет Зеке женился. Супруга развелась с ним вскоре после того, как его осудили за распространение наркотиков. Насколько нам известно, детей у Зеке Хаффи нет, и если его кто-то и навещает, то крайне редко. Три года назад Зеке арестовали, а затем осудили в Литтл-Рок, штат Арканзас, и теперь он отбывает пятилетний срок в одной из тюрем «Земли возможностей»¹.

Его стали использовать в качестве осведомителя начиная с процесса над Куинси Миллером. Когда Зеке дал свои показания, ему было восемнадцать лет. Через месяц после суда над Куинси обвинения против Зеке, связанные с торговлей наркотиками, были смягчены, и он вышел на свободу. Сделка дала такие прекрасные результаты, что Зеке стал прибегать к подобной практике снова и снова. В любой тюрьме найдется заключенный, осужденный за наркотики, которому сидеть еще долго и кто с удовольствием сократил бы свое пребывание за решеткой. При умелом руководстве со стороны полицейских и представителей обвинения использование тюремных осведомителей в качестве лжесвидетелей может быть весьма эффективным средством достижения несправедливых целей. Многие присяжные просто не верят, что свидетель, кем бы он ни был, под присягой, поклявшись говорить только правду, способен рассказать выдуманную от первого до последнего слова историю.

Сейчас Зеке отбывает наказание в федеральном тюремном лагере, пенитенциарном заведении с минимальным уровнем безопасности, расположенном среди хлопковых полей в северо-восточной части Арканзаса. Впрочем, на вид это обычная тюрьма с заборами, колючей проволокой и такими же примитивными и мрачными зданиями, как и у большинства других объектов подобного типа. К сожалению, управляет ею некая частная корпорация, цель которой состоит в получении прибыли. А это означает, что зарплата охранников здесь ниже, чем в других исправительных заведениях, а самих охранников меньше. Еще заключенные тут хуже питаются (местная служба снабжения ворует все подряд, от арахисового масла до туалетной бумаги), а медицинское обслуживание практически отсутствует. Полагаю, что в Америке всё,

¹ «Земля возможностей» – неофициальное название штата Арканзас. – *Здесь и далее примеч. пер.*

в том числе образовательные и исправительные учреждения, является объектом наживы для разного рода мошенников.

Меня провожают в комнату с несколькими закрытыми кабинками, над ними висит табличка: «Для визитов адвокатов». Впустив меня в одну из них, охранник запирает меня внутри. Я сажусь на стул и смотрю сквозь прозрачный пластиковый экран. Минуты бегут одна за другой. Проходит полчаса, но я никуда не тороплюсь. Наконец дверь по другую сторону экрана открывается, и появляется Зеке Хаффи. Он улыбается мне, пока охранник снимает с него наручники. Когда мы остаемся одни, Хаффи, глядя на мой стоячий воротничок, интересуется:

– А почему мы в помещении для встреч с адвокатами?

– Рад вас видеть, Зеке. Спасибо, что согласились уделить мне время.

– Времени у меня полно. Но я не знал, что вы адвокат.

– Я и адвокат, и священник. Как с вами здесь обращаются?

Зеке усмехается и закуривает. Разумеется, вентиляции в кабинке нет.

– Я видал разные тюрьмы – так вот, эта, пожалуй, худшая, – говорит он. – Ею владеет штат, но она отдана в управление одной компании, которая называется «Атлантик коррекшнс корпорейшн». Слышали про нее?

– Да. Я был в качестве гостя на некоторых из объектов, которыми она управляет. Похоже, у них все действительно в плохом состоянии?

– Рулон туалетной бумаги стоит четыре доллара, а должен стоить доллар. Они выдают каждому по одному рулону на неделю, и это не туалетная бумага, а какой-то наждак, от которого потом не ходишь, аковыляешь, как инвалид. В общем, мне повезло, что вы прислали те деньги. Спасибо, мистер Пост. Мои приятели никогда не получали с воли даже десятицентовика.

По шее Зеке ползут уродливые тюремные татуировки. Глаза и щеки ввалились. Он выглядит, как уличный наркоман, большую часть жизни просидевший на дешевой дури.

– Когда смогу, пришлю вам еще денег, но бюджет, из которого финансируется наша деятельность, весьма скудный, – произношу я.

– А кто такие «вы»? И зачем вы здесь, Пост? Мне ведь никакой адвокат ничем не поможет.

– Я работаю в некоммерческом фонде, он занимается освобождением невинно осужденных. Один из наших клиентов – Куинси Миллер. Помните его?

Зеке издаст смешок и выпускает кольцо сигаретного дыма.

– Значит, вы явились сюда из-за ложных показаний?

– Вы хотите, чтобы я уехал?

– Смотря чего вам надо.

Будучи бывалым уголовником, Зеке понимает, что правила внезапно изменились. Мне нужно нечто такое, что я могу получить только от него, и Хаффи тут же начинает соображать, как использовать эту ситуацию в своих интересах. Ему уже не раз приходилось играть в такие игры.

– Давайте начнем с правды, – предлагаю я.

Хаффи смеется:

– Правда, справедливость, американский образ жизни... Вы, наверное, дурак, мистер Пост, если приехали искать правду в подобном месте.

– Такова моя работа, Зеке. Выяснить правду – это единственный способ вытащить Куинси из тюрьмы. Мы с вами оба знаем, что вы – опытный осведомитель, не раз лжесвидетельствовали и дали ложные показания перед жюри присяжных во время суда над Куинси. Он ни в чем вам не признавался. Детали преступления вам сообщили копы и прокурор, который заранее отрепетировал с вами ваше выступление на процессе. Присяжные вам поверили,

и Куинси посадили в тюрьму, где он провел уже двадцать два года. Настало время вытащить его из камеры.

Зеке улыбается с таким видом, будто хочет мне угодить.

– Я проголодался, – говорит он. – Вы можете раздобыть мне кока-колу и немного арахиса?

– Да, конечно.

Нет ничего удивительного в том, что даже в таких местах посетители имеют возможность купить что-то, чем можно перекусить. Я стучу в дверь, и охранник открывает ее. Мы с ним подходим к стене, вдоль которой стоят вендинговые автоматы, и я начинаю опускать в специальную щель одного из них монетки в четверть доллара. Плачу два доллара за банку кока-колы весом в двенадцать унций и по доллару за два небольших пакетика с арахисом. Охранник отводит меня обратно в переговорную кабинку. Через несколько минут он появляется с другой стороны прозрачного экрана и передает Зеке мои покупки.

– Спасибо, – говорит Зеке и, вскрыв банку, отхлебывает из нее напиток.

Мне важно, чтобы начатый разговор не прерывался.

– Каким образом полицейским удалось уговорить вас дать показания против Куинси? – спрашиваю я.

– Вы же знаете, как они действуют, мистер Пост. Им нужны свидетели, особенно когда у них нет доказательств. Я уже не помню подробностей. Все это было очень давно.

– Да. Действительно, давно, особенно для Куинси. Вы когда-нибудь думаете о нем, Зеке? Вы ведь знаете, как тяжела жизнь в тюрьме. Вы хотя бы порой размышляете о том, что помогли упрятать за решетку невинного человека до конца его жизни?

– Вообще-то, нет. У меня других забот хватает.

– У Куинси есть шанс выйти на свободу. Дело, конечно, трудное, но так бывает всегда. Я выполняю свою работу, Зеке, и знаю, как ее надо делать и ради чего этим занимаюсь. Нам нужна ваша помощь.

– Помощь? И что, по-вашему, я должен сделать?

– Сказать правду. Дать под присягой письменные показания о том, что вы солгали во время процесса, потому что полицейские и представители обвинения предложили вам выгодную сделку.

Набив рот арахисом, Хаффи долго молча смотрит в пол. Я не отступаю.

– Я знаю, о чем вы думаете, Зеке. О том, что Флорида далеко отсюда и у вас нет никакого желания связываться с этим старым делом. Еще размышляете о том, что если сейчас расскажете правду, то копы и прокурорские работники обвинят вас в даче ложных показаний под присягой и повесят на вас новый срок. Но этого не случится. Срок давности по такому преступлению, как дача ложных показаний, давно истек. Кроме того, ключевые участники процесса над Куинси Миллером утратили свои прежние полномочия. Шериф ушел в отставку. Прокурор тоже. Судья умер. Правоохранительную систему штата Флорида вы больше не интересуете. Если поможете вытащить Куинси из тюрьмы, то ничего не выиграете, но и не потеряете. Это элементарно, Зеке. Сделайте то, что должны, скажите правду, и все в вашей жизни будет по-прежнему.

– Послушайте, мистер Пост, я освобождаюсь через семнадцать месяцев и не намерен себе все испортить.

– Штату Арканзас безразлично, что вы сделали в суде штата Флорида двадцать два года назад. В Арканзасе-то вы не давали ложных показаний. Местным правоохранителям наплевать. После того как вас условно-досрочно освободят, их единственной заботой будет посадить в вашу камеру нового заключенного. Вы знаете, как все работает. Вы ведь профессионал в этой игре.

У Зеке не хватает ума сдержать улыбку, услышав этот комплимент. Ему, похоже, нравится, что он в какой-то мере управляет ситуацией. Потягивая кока-колу, Зеке опять закури-вает и наконец говорит:

– Не знаю, мистер Пост, все это кажется мне ужасно рискованным. С какой стати я должен в это ввязываться?

– А почему бы нет? У вас нет никаких обязательств перед полицейскими и прокурорскими работниками. Им наплевать, что будет с вами, Зеке. Вы для них, так сказать, на противоположной стороне улицы. Сделайте добро для такого же, как вы.

В нашем разговоре наступает долгая пауза. Время словно останавливается. Зеке приканчивает один пакетик с арахисом и распечатывает второй.

– Никогда не слышал, чтобы юристы занимались тем, чем занимаетесь вы, – вдруг произносит он. – Скольких невинно осужденных вы освободили?

– Восьмерых – за последние десять лет. Все они действительно были невинными. Сейчас у нас шестеро клиентов, включая Куинси.

– А меня вы можете вытащить? – интересуется Хаффи, и мы оба смеемся.

– Послушайте, Зеке, если бы я считал, что вы невинны, то мог бы попробовать.

– Скорее всего, для вас это было бы напрасной тратой времени.

– Наверное. Так вы поможете нам, Зеке?

– Когда все это должно произойти?

– Ну, мы сейчас трудимся вовсю. Расследуем обстоятельства дела и готовимся поставить вопрос об освобождении. Но это кропотливая, небыстрая работа, как вы понимаете. Так что можете не слишком торопиться, однако мне бы хотелось поддерживать с вами контакт.

– Пусть так и будет, мистер Пост, поддерживайте со мной связь. И если у вас появится возможность послать мне несколько долларов, сделайте это. Арахис и кока-кола в этой помойке – настоящее лакомство.

– Я пришлю вам немного денег, Зеке. А вы найдите несколько свободных минут и подумайте о Куинси. Вы перед ним в долгу.

– Что есть, то есть.

Глава 9

Кэрри Холланд было девятнадцать лет, когда на суде против Куинси она заявила присяжным, что вскоре после убийства видела чернокожего мужчину, бегущего по темной улице. По ее словам, он был того же роста и сложения, что и Куинси Миллер, и держал в руке предмет, похожий на палку. Кэрри сказала, что она как раз припарковала машину перед многоквартирным домом и вдруг услышала два громких хлопка, которые якобы прозвучали со стороны юридической конторы Руссо, расположенной в трех кварталах. А потом заметила бегущего мужчину. Во время перекрестного допроса Тайлер Таунсенд поставил показания Кэрри Холланд под сомнение. Она не жила в здании, около которого припарковала автомобиль, но объяснила, что приехала туда навестить подругу. Ее имя? Вопрос вызвал у Кэрри замешательство. Тайлер выразил ей недоверие и подверг ее насмешкам. Он сказал: «Сообщите мне имя вашей подруги, и я вызову ее в суд в качестве свидетеля». На эти слова адвоката прокурор отреагировал протестом, и судья поддержал его. Судья по стенограмме, вспомнить имя подруги Кэрри Холланд так и не сумела.

Тайлер попытался смоделировать ситуацию, в которой находилась Кэрри Холланд. Используя карту, он отметил на ней расстояние между зданием, около которого она припарковала машину, и юридической конторой супругов Руссо. При этом особо подчеркнул, что было темно, а освещение на улице практически отсутствовало. Исходя из этого, Тайлер усомнился в том, что Кэрри могла рассмотреть то, что, по ее словам, она видела. Он препирался со свидетельницей до тех пор, пока судья не вмешался и не остановил его.

За год до процесса против Куинси Миллера Кэрри Холланд была осуждена за употребление наркотиков. Тайлер решил опереться на данное обстоятельство. Он поинтересовался, не находится ли она под действием запрещенных веществ, выступая перед судом в качестве свидетеля, и предположил, что Кэрри все еще страдает от наркозависимости. Тайлер также прямо спросил, правда ли, что Кэрри встречается с помощником шерифа округа Руис. Свидетельница ответила отрицательно. Решив, что перекрестный допрос Кэрри Холланд затянулся, судья потребовал от Таунсенда, чтобы тот поскорее заканчивал. Адвокат запротестовал, заявив, что представителя обвинения никто не торопил. Судья пригрозил ему обвинением в неуважении к суду, причем уже не в первый раз. Завершив наконец допрос Кэрри Холланд, Тайлер выразил сомнение в достоверности ее показаний. Однако, допрашивая ее, он подчас прибегал к оскорблениям, что вызывало сочувствие и даже симпатию по отношению к ней со стороны присяжных.

Вскоре после процесса Кэрри покинула прежнее место жительства. Какое-то время жила неподалеку от Коламбуса, штат Джорджия, вышла там замуж, родила двоих детей, затем развелась и куда-то пропала. Вики пришлось разыскивать ее целый год. Выяснилось, что теперь ее зовут Кэрри Прюитт, живет она в каком-то захолустье в западной части штата Теннесси и работает на мебельной фабрике неподалеку от Кингспорта. Ее жилище – трейлер, припаркованный вблизи одной из дорог местного значения, а делит Кэрри его с женщиной по имени Бак.

Следует отдать Кэрри должное – она, по крайней мере, сумела избежать неприятностей. В списке ее правонарушений – только та самая судимость за употребление наркотиков, числившаяся за ней еще со времен жизни в Сибруке и так и не снятая. Мы предполагаем, что Кэрри свободна от наркозависимости, а в нашем деле это всегда плюс.

Месяц назад Фрэнки съездил туда, где обосновалась Кэрри, и проделал свою обычную работу, то есть осторожно навел справки. У него есть фотографии ее дома на колесах и участка вокруг него, а также фабрики, где Кэрри теперь трудится. Благодаря помощи детектива из Кингспорта Фрэнки выяснил, что один из сыновей Кэрри служит в армии, а другой живет в Ноксвилле. Бак водит грузовик, криминального прошлого не имеет. По странному стечению

обстоятельств его отец когда-то был священником в маленькой сельской церквушке. Похоже, что у них стабильная семья.

Велика вероятность, что ни Бак, ни кто-либо другой в радиусе пятисот миль от того места, где живут супруги, ничего не знают о прошлом Кэрри. Это все осложняет. В самом деле, зачем ей, пусть даже ненадолго, возвращаться на два десятилетия в прошлое, связанное с Куинси Миллером, рискуя расстроить свою нынешнюю жизнь?

Я встречаюсь с Фрэнки в кафе в Кингспорте. Поедая вафли, мы обсуждаем разложенные на столе фотографии. Дом-трейлер расположен в уединенной местности. Рядом с ним находится огороженная забором площадка для выгула собак с вольером, там Бак держит несколько охотничьих псов. Он, как и положено, ездит на пикапе. Кэрри – на «Хонде». Вики пробила номера автомобилей и установила, что собственниками машин являются именно супруги Прюитт. Ни пикапом, ни «Хондой» не пользуются по доверенности. Позади трейлера под навесом укрыта вполне приличная рыбацкая лодка. Бак, судя по всему, серьезно относится и к охоте, и к рыбалке.

– Не нравится мне, как выглядит это место, – заявляет Фрэнки, перебирая фотографии.

– Мне доводилось видеть места и похуже, – говорю я, и это правда. Мне приходилось стучаться в такие двери, где меня вполне могли встретить, натравив добермана или направив в лицо ствол ружья. – Но давай допустим, что Бак ничего не знает о прошлом жены и не слышал о Куинси. Если исходить из этого, можно сделать вывод, что Кэрри предпочла бы сохранить эту историю в тайне.

– Согласен. Держитесь от дома подальше.

– В какое время она отправляется на работу?

– Не знаю, но на входе Кэрри прикладывает пропуск в восемь часов утра, а на выходе – в пять вечера. В обеденное время фабрику не покидает. Платят ей примерно девять долларов в час. Кэрри работает в сборочном цеху, а не в офисе, так что позвонить ей на работу вы не сможете.

– Да и не станет она со мной разговаривать при своих коллегах. Какой прогноз погоды на субботу?

– Ясно и солнечно. Отличный день для рыбалки.

– Будем надеяться.

В субботу на рассвете Фрэнки заправляет пикап бензином рядом с магазинчиком в миле от дома-трейлера. Похоже, нам повезло, во всяком случае, пока так кажется. Бак и его приятель проезжают мимо Фрэнки, буксируя на прицепе рыбацкую лодку. Судя по всему, они направляются на реку или озеро. Фрэнки звонит мне, и я сразу набираю номер стационарного телефона супругов Прюитт.

Мне отвечает сонный женский голос. Я произношу самым дружелюбным тоном:

– Миссис Прюитт, меня зовут Каллен Пост. Я юрист из города Саванна, штат Джорджия. У вас найдется минутка?

– Кто? Что вам нужно?

Сонные интонации из голоса моей собеседницы мгновенно исчезают.

– Меня зовут Каллен Пост. Я хотел бы поговорить с вами о судебном процессе, в котором вы принимали участие много лет назад.

– Вы ошиблись номером.

– Тогда вас звали Кэрри Холланд, а жили вы в Сибруке, штат Флорида. У меня есть все документы, Кэрри, и я здесь вовсе не для того, чтобы создавать вам неприятности.

– Повторяю, у вас неправильный номер, мистер.

– Я представляю интересы Куинси Миллера. Из-за вас он сидит в тюрьме уже двадцать два года. По-моему, вопрос заслуживает того, чтобы как минимум уделить мне тридцать минут.

На другом конце провода вешают трубку. Десять минут спустя я паркуюсь перед домом-трейлером. Фрэнки где-то неподалеку – просто на случай, если в меня станут стрелять и я получу пулю.

Наконец Кэрри приближается к двери, медленно открывает ее и выходит на узкое деревянное крыльцо. Она стройная, в обтягивающих джинсах. Светлые волосы зачесаны назад. Даже без косметики Кэрри выглядит совсем неплохо, но многолетнее курение привело к тому, что вокруг глаз и около губ у нее залегли морщинки. Держа в руке сигарету, она молча смотрит на меня.

На мне рубашка со стоячим воротничком, однако на нее он не производит никакого впечатления. Улыбнувшись, я говорю:

– Извините, что вторгаюсь к вам подобным образом, но я проездом оказался в этих местах и решил воспользоваться случаем.

– Что вам надо? – спрашивается Кэрри и затягивается сигаретой.

– Я хочу вытащить из тюрьмы своего клиента, Кэрри, и в этом мне нужна ваша помощь. Послушайте, я здесь не для того, чтобы причинить вам беспокойство или поставить вас в неловкое положение. Готов побиться об заклад, что Бак никогда не слышал о Куинси Миллере. Ведь так? И я не могу винить вас за это. И я тоже не стану ему ничего рассказывать. Но Куинси все еще сидит в тюрьме за убийство, которое совершил кто-то другой. Он никого не убивал. И вы вовсе не видели чернокожего мужчину, убегающего по улице от места преступления. Вы дали такие показания, потому что этого хотели копы. Вы встречались с одним из них, и они хорошо вас знали. Им был нужен свидетель, а у вас имелась небольшая проблема с наркотиками, верно, Кэрри?

– Как вы меня нашли?

– Да вы вроде бы не прячетесь.

– Убирайтесь отсюда, пока я не вызвала полицию!

Я шутливым жестом поднимаю руки, давая понять, что сдаюсь.

– Это ведь ваша собственность. Я ухожу. – Затем я бросаю на траву визитную карточку и продолжаю: – Вот номер моего телефона. Работа не позволит мне забыть про вас, так что я вернусь. Обещаю, я не буду вас разоблачать и раскрывать тайны вашего прошлого. Я просто хочу поговорить, вот и все, Кэрри. Двадцать два года назад вы совершили ужасный поступок, и теперь настало время это исправить.

Когда я отъезжаю, Кэрри Прюитт стоит, не двигаясь, напряженно наблюдая за мной.

Письмо от Куинси написано от руки аккуратными прописными, похожими на печатные буквами.

УВАЖАЕМЫЙ МИСТЕР ПОСТ!

СПАСИБО ВАМ, СЭР, ЕЩЕ РАЗ ЗА ТО, ЧТО ВЗЯЛИСЬ ЗА МОЕ ДЕЛО. ВЫ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ – БЫТЬ ЗАПЕРТЫМ В КАМЕРЕ, КАК Я, КОГДА НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК НЕ ВЕРИТ В ВАШУ НЕВИНОВНОСТЬ. ТЕПЕРЬ Я СТАЛ ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ, И ЭТО БЛАГОДАРЯ ВАМ. БЕРИТЕСЬ ЖЕ ЗА РАБОТУ И ВЫТАЩИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА.

ВЫ СПРАШИВАЛИ МЕНЯ, БЫЛА ЛИ У МОЕГО ПРЕКРАСНОГО МОЛОДОГО АДВОКАТА ТАЙЛЕРА ТАУНСЕНДА ВЕРСИЯ НАСЧЕТ ТОГО, КТО ЯВЛЯЕТСЯ НАСТОЯЩИМ УБИЙЦЕЙ. ДА, БЫЛА. ОН МНОГО РАЗ ГОВОРИЛ МНЕ, ЧТО В ТОЙ ЧАСТИ ШТАТА ФЛОРИДА, ГДЕ ВСЕ ПРОИСХОДИЛО, ХОРОШО ИЗВЕСТНО, ЧТО КИТ РУССО

И ЕГО ЖЕНА ЯКШАЛИСЬ С НЕХОРОШИМИ ЛЮДЬМИ. ОНИ БЫЛИ АДВОКАТАМИ НАРКОТОРГОВЦЕВ, СТАЛИ ЗАРАБАТЫВАТЬ МНОГО ДЕНЕГ, И ЭТО БЫЛО ЗАМЕЧЕНО. В СИБРУКЕ ДЕНЕГ КРУТИТСЯ СОВСЕМ НЕМНОГО, ДАЖЕ КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О ЮРИСТАХ, И У МНОГИХ ВОЗНИКЛИ ПОДОЗРЕНИЯ. ШЕРИФ ОКРУГА ФИЦНЕР САМ БЫЛ ВОРОМ, И ТАЙЛЕР ГОВОРИЛ, ЧТО ОН СВЯЗАН С НАРКОБИЗНЕСОМ. ВЕРОЯТНО, ФИЦНЕР ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ И К УБИЙСТВУ.

Я ЗНАЮ ТОЧНО, ПОСТ, КТО-ТО ПОДСУНУЛ ЭТОТ ЧЕРТОВ ФОНАРИК В БАГАЖНИК МОЕЙ МАШИНЫ, И Я ПОЧТИ УВЕРЕН, ЧТО ЭТО СДЕЛАЛ ФИЦНЕР. ВСЕ МОЕ ДЕЛО БЫЛО РЕЗУЛЬТАТОМ ЗАГОВОРА, ЦЕЛЬ КОТОРОГО ЗАКЛЮЧАЛАСЬ В ТОМ, ЧТОБЫ МЕНЯ ПОДСТАВИТЬ. ТЕ, КТО СТОЯЛ ЗА ЭТИМ, ЗНАЛИ, ЧТО В СИБРУКЕ ЗАСУДИТЬ ЧЕРНОКОЖЕГО ПАРНЯ ЛЕГЧЕ, ЧЕМ БЕЛОГО, И В ЭТОМ ОНИ БЫЛИ ПРАВЫ.

ОДИН МОЙ ПРИЯТЕЛЬ СКАЗАЛ, ЧТО ДЛЯ ОФОРМЛЕНИЯ МОЕГО РАЗВОДА СЛЕДУЕТ НАНЯТЬ РУССО. ЭТО БЫЛ ПЛОХОЙ, ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ СОВЕТ. РУССО ПОТРЕБОВАЛ С МЕНЯ МНОГО ДЕНЕГ, А СВОЮ РАБОТУ ВЫПОЛНИЛ ПРОСТО ОТВРАТИТЕЛЬНО. КОГДА ПРОЦЕСС УЖЕ ШЕЛ ПОЛНЫМ ХОДОМ, Я ПОНЯЛ, ЧТО У НЕГО НЕ БЫЛО НИКАКОГО ЖЕЛАНИЯ ЗАНИМАТЬСЯ МОИМ РАЗВОДОМ. А КОГДА СУДЬЯ НАЗНАЧИЛ МНЕ ОГРОМНЫЕ АЛИМЕНТЫ И ВЫПЛАТЫ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ, Я СКАЗАЛ РУССО: «ПОСЛУШАЙ, ДА ТЫ, НАВЕРНОЕ, ШУТИШЬ. Я ЖЕ НЕ СМОГУ СТОЛЬКО ВЫПЛАЧИВАТЬ». ЗНАЕТЕ, ЧТО ОН МНЕ ОТВЕТИЛ? ОН СКАЗАЛ: «ТЕБЕ ЕЩЕ ПОВЕЗЛО, ЧТО НЕ НАЗНАЧИЛИ БОЛЬШЕ». СУДЬЯ БЫЛ РЕЛИГИОЗНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, И ЕМУ ОЧЕНЬ НЕ НРАВИЛИСЬ МУЖЧИНЫ, КОТОРЫЕ БЕГАЮТ ЗА ЮБКАМИ. А МОЯ БЫВШАЯ ЗАЯВИЛА, ЧТО Я ТРАХАЮСЬ СО ВСЕМИ ПОДРЯД. И РУССО ВЕЛ СЕБЯ ТАК, СЛОВНО Я ПОЛУЧИЛ ПО ЗАСЛУГАМ.

РУССО, КСТАТИ, САМ БЫЛ БАБНИКОМ. НУ, ЛАДНО, ХВАТИТ ОБ ЭТОМ. КАКНИКАК ОН МЕРТВ.

ТАЙЛЕР НЕ ЗНАЛ, ЗА ЧТО ИМЕННО УБИЛИ РУССО. НО, КОГДА ЧЕЛОВЕК ЯКШАЕТСЯ С БАНДОЙ НАРКОТОРГОВЦЕВ, НЕТРУДНО ДОГАДАТЬСЯ, ЧТО ОН, СКОРЕЕ ВСЕГО, ГДЕ-ТО ПЕРЕШЕЛ ИМ ДОРОГУ. МОЖЕТ, ПОТРЕБОВАЛ С НИХ СЛИШКОМ МНОГО ДЕНЕГ ИЛИ СТУЧАЛ НА НИХ. А МОЖЕТ, ЕГО ЖЕНА НЕ ХОТЕЛА ПОТЕРЯТЬ ВСЕ, ЧТО У НИХ БЫЛО. Я ВИДЕЛ ЕЕ НЕСКОЛЬКО РАЗ, КОГДА БЫВАЛ У НИХ В ОФИСЕ, И ОНА МНЕ НЕ ПОНРАВИЛАСЬ. СТЕРВОЗНАЯ БАБА.

ПОСЛЕ СУДА НАДО МНОЙ ТАЙЛЕР СТАЛ ПОЛУЧАТЬ УГРОЗЫ, И ОН ПО-НАСТОЯЩЕМУ ИСПУГАЛСЯ. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ИМЕННО ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ ОН УЕХАЛ ИЗ ГОРОДА. ТАЙЛЕР ГОВОРИЛ, ЧТО ЗА УГРОЗАМИ СТОЯТ НЕХОРОШИЕ ЛЮДИ, И ПОТОМУ ОН РЕШИЛ СМОТАТЬСЯ. ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ, КОГДА ВСЕ АПЕЛЛЯЦИИ ПО МОЕМУ ДЕЛУ БЫЛИ ОТКЛОНЕНЫ, А САМ ТАЙЛЕР ДАВНО ПЕРЕСТАЛ БЫТЬ МОИМ АДВОКАТОМ, ОН РАССКАЗАЛ МНЕ, ЧТО В СИБРУКЕ УБИЛИ ПОМОЩНИКА ШЕРИФА. И ЕЩЕ ДОБАВИЛ, ЧТО, ПО ЕГО МНЕНИЮ, ЭТО БЫЛО СВЯЗАНО С УБИЙСТВОМ РУССО И НАРКОДЕЛЬЦАМИ. НО К ТОМУ ВРЕМЕНИ ОН УЖЕ МОГ ТОЛЬКО ПРЕДПОЛАГАТЬ ПОДОБНОЕ.

ВОТ ТАКИЕ ДЕЛА, ПОСТ. ТАКОВА ВЕРСИЯ ТАЙЛЕРА ПО ПОВОДУ ТОГО, КТО УБИЛ РУССО. И ЕЩЕ ОН СЧИТАЛ, ЧТО ЖЕНА РУССО НАВЕРНЯКА ТОЖЕ БЫЛА ЗАМЕШАНА В ЭТОМ ДЕЛЕ. НО ПРОШЛО УЖЕ СЛИШКОМ МНОГО ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ ПЫТАТЬСЯ ЧТО-ЛИБО ДОКАЗАТЬ.

ЕЩЕ РАЗ СПАСИБО ВАМ, ПОСТ. НАДЕЮСЬ, ТО, ЧТО Я НАПИСАЛ, БУДЕТ ДЛЯ ВАС ПОЛЕЗНЫМ. И ЕЩЕ НАДЕЮСЬ ВСКОРЕ ВАС УВИДЕТЬ. ПРИНИМАЙТЕСЬ ЗА РАБОТУ.

ВАШ КЛИЕНТ И ДРУГ КУИНСИ МИЛЛЕР

Глава 10

Эксперт, сделавший заключение о следах крови и давший свидетельские показания против Куинси, прежде работал в Денвере на должности детектива отдела убийств. Звали его Пол Норвуд. Он прослужил в полиции несколько лет и занимался тем, что осматривал места преступлений. Затем сдал полицейский значок, приобрел пару хороших костюмов и стал экспертом, привлекаемым к участию в судебных процессах в качестве свидетеля. В свое время Пол Норвуд бросил учебу в колледже и так и не успел получить диплом эксперта-криминалиста – или какой-либо иной, который относился бы к его новому роду занятий. Поэтому он часто принимал участие в семинарах и симпозиумах по судебной медицине и читал журнальные статьи и монографии, написанные специалистами в данной области. Умел гладко говорить, имел большой словарный запас, так что ему нетрудно было убедить судей и присяжных в том, что он компетентен в своей сфере. Когда Норвуда признали таковым, ему стало еще легче доказывать простодушным присяжным справедливость своей точки зрения, якобы опирающейся на данные серьезных научных исследований.

Экспертов, как Норвуд, было немало. В 80-е и 90-е годы такого рода «специалистов», которые сами присвоили себе это звание, развелось великое множество. Их стали часто привлекать к судебным процессам по уголовным делам, где они нередко производили сильное впечатление на присяжных заседателей своими нестандартными мнениями. В довершение всех бед популярные телеканалы одно за другим штамповали шоу в прямом эфире, рассказывающие о расследованиях преступлений. В них подобные независимые эксперты представлялись в качестве блестящих специалистов, способных безошибочно раскрыть головоломные дела, опираясь на последние достижения науки. Самые известные из них порой могли, только взглянув на окровавленный труп, через час или два чуть ли не назвать убийцу. В реальной жизни тысячи подозреваемых признавали виновными и отправляли за решетку, исходя из весьма шатких и сомнительных версий по поводу формы кровавых пятен и характера разбрызгивания капель крови, признаков умышленного поджога, следов зубов, волокон ткани, осколков стекла, фрагментов скальпа и лобковых волос, отпечатков обуви, данных баллистических экспертиз. Все было далеко не безупречно даже в случаях, когда речь шла об экспертизе отпечатков пальцев.

Квалифицированные адвокаты подвергали сомнению объективность и убедительность подобных исследований, однако редко добивались успеха. Судьи зачастую благоговели перед наукой и не располагали временем, чтобы самим изучить ту или иную проблему. Если эксперт имел хотя бы какую-то научную подготовку и производил впечатление человека, знающего, о чем говорит, этого было достаточно, чтобы ему позволили выступить на процессе и дать свидетельские показания. Со временем судьи пришли к рациональному выводу, что если тот или иной эксперт, вроде бы обладающий достаточной квалификацией, уже привлекался в качестве свидетеля в ходе иных судебных процессов, в том числе в других штатах, то его действительно можно считать компетентным. Ситуацию усугубляли апелляционные суды, которые почти автоматически утверждали обвинительные приговоры, не подвергая сомнению реальную научную обоснованность данных криминалистических экспертиз. Чем толще и внушительнее становились резюме доморощенных экспертов, тем более субъективными они были в вопросах установления вины подсудимых, допуская все более серьезные натяжки в своей аргументации.

Чем чаще Пола Норвуда привлекали к участию в судебных процессах, тем быстрее росла его самоуверенность. За год до суда над Куинси, в 1988 году, Норвуд поучаствовал в двадцатичетырехчасовом семинаре, проведенном одной частной компанией в штате Кентукки. После того как он прослушал курс лекций, ему был вручен сертификат, подтверждающий его квалификацию еще в одной, новой для него области. Вскоре после этого Норвуд уже удивлял при-

связных своими познаниями по поводу того, как по-разному могут разлетаться брызги крови при совершении убийства. Он, можно сказать, стал специализироваться на этой сфере криминалистики, а также на воспроизведении деталей преступлений, анализе данных баллистических экспертиз и исследованиях волос. Норвуд рекламировал свои услуги и даже написал книгу, посвященную проблемам судебной криминалистики. Его репутация становилась все более непререкаемой, и, соответственно, рос и спрос на него.

За двадцать пять лет экспертной деятельности Норвуд дал показания на сотнях процессов по уголовным делам. При этом он всегда выступал на стороне обвинения, а его объяснения неизменно изобличали подсудимого. И хорошо оплачивались.

Вскоре наступила эпоха ДНК-тестов, что нанесло бизнесу Норвуда существенный ущерб. Исследования ДНК не только определили будущее криминалистических исследований, изменив сам подход к ним, но и привели к тому, что была подвергнута серьезному и объективному анализу вся та лженаука, фальшивыми данными которой Норвуд и ему подобные торговали оптом и в розницу. По меньшей мере в половине случаев освобождения невинно осужденных в основе судебных ошибок лежала некомпетентная экспертиза, представленная обвинением.

Всего за один 2005 год ДНК-тестирование опровергло три представленных суду экспертных заключения Норвуда, основанных на ненаучных, ошибочных методах. Трое жертв его некомпетентности, о которых идет речь, суммарно провели в тюрьме пятьдесят девять лет, причем в одном из случаев осужденный содержался в камере смертников. В 2006 году Норвуд отошел от дел, успев поучаствовать лишь в одном процессе, в ходе которого во время перекрестного допроса его мнение было полностью дискредитировано, чего не случалось прежде. Адвокат, представлявший интересы подсудимого, в ходе допроса, не стесняясь в выражениях, указал на ошибки горе-эксперта, вскрывшиеся во всех трех случаях освобождения несправедливо осужденных в течение предыдущего года. Вопросы, которые задавались Норвуду, были тщательно продуманными, жесткими и весьма показательными. В итоге подсудимый, чье дело рассматривалось в суде на сей раз, был признан невиновным. Впоследствии удалось изобличить настоящего убийцу. Норвуд же после этого прекратил выступать в качестве эксперта.

Однако он и так уже успел наломать немало дров. Куинси Миллер, например, был осужден задолго до этого и отправлен в тюрьму из-за заключения Норвуда по поводу окровавленного фонарика, которого «эксперт» в глаза не видел. Его «сверхпроницательный» анализ дела состоял в изучении больших цветных фотографий с места преступления и снимков злополучного фонарика. Норвуд почти никогда не держал в руках серьезных вещественных доказательств, фигурировавших в уголовных делах, а в своих выводах в основном исходил именно из снимков, на которых были зафиксированы те или иные предметы. Это обстоятельство несколько его не смущало. Давая свидетельские показания по делу Куинси Миллера, он с уверенностью заявил, что мельчайшие пятнышки на линзе фонарика представляли собой брызги крови убитого из дробовика Кита Руссо.

Сам же фонарик еще до суда куда-то исчез.

Норвуд отказывается обсуждать со мной дело Куинси Миллера. Я писал ему дважды. Он ответил мне лишь один раз и заявил, что говорить о деле не станет, даже по телефону. Мол, у него неважно со здоровьем, к тому же дело рассматривалось в суде очень давно, а его подводит память. В общем, по его словам, разговор ничего не даст. Кстати, недавно еще как минимум семь его мошеннических экспертных заключений, которые привели к осуждению невиновных, были разоблачены, так что имя Норвуда, можно сказать, уже стало нарицательным, когда речь заходит о деятельности лжеэкспертов. Он постоянно подвергается атакам со стороны адвокатов осужденных, которых приговорили к смертной казни. Кто-то даже подал на него в суд. Блогеры сдирают с Норвуда шкуру, жестко критикуя за все то, что он натворил. Судьи апелляционных судов внимательно изучают подробности его карьеры, которая теперь пошла под

откос. Группа активистов, борющихся за права невинно осужденных, обращается в различные фонды, пытаясь добыть деньги для пересмотра всех дел, к раскрытию которых привлекался Норвуд. Но для этого требуется крупная сумма, а найти ее сложно. Я решил, что если мне все же удастся встретиться с Норвудом, то я попрошу его дезавуировать собственные экспертные оценки и попытаться помочь Куинси. Однако Норвуд пока не обнаружил ни малейшего признака того, что его мучают угрызения совести.

Независимо от того, удастся ли мне привлечь к делу Норвуда, у нас нет иного выхода, кроме как нанять своих экспертов-криминалистов, а услуги лучших из них стоят дорого.

Пару дней я нахожусь в Саванне и занимаюсь, если можно так выразиться, тушением пожара. Мы трое, Вики, Мэйзи и я, сидя в конференц-зале, обсуждаем вопрос о найме экспертов. На столе перед нами лежат резюме четырех специалистов, которых мы в итоге отобрали. Все они криминалисты высшей категории с безукоризненными рекомендациями и документами, подтверждающими их компетентность. Мы решили, что сначала обратимся к двум из них и направим им материалы дела. Тот, чье время оценивается дешевле, чем у трех остальных, хочет получить за обзор материалов дела и консультацию 15 тысяч долларов. Самый дорогой требует 30 тысяч, причем эта сумма не обсуждается. В последние десять лет работа, направленная на исправление судебных ошибок и освобождение невинных, заметно активизировалась. Поэтому спрос на услуги таких экспертов, как выбранные нами четверо, со стороны групп помощи несправедливо осужденным резко вырос.

Специалист, которому мы отдаем предпочтение, доктор Кайл Бендершмидт из Университета Содружества Виргинии в Ричмонде. Много лет он занимается преподавательской деятельностью и создал одну из ведущих в стране научных криминалистических лабораторий. Я поговорил о нем с другими адвокатами и убедился, что они от него просто в восторге.

Мы стараемся, чтобы наши расходы на услуги экспертов, частных детективов и юристов, когда они нам необходимы, не выходили за рамки 75 тысяч долларов. Адвокатам вообще стараемся не платить – за годы нашей деятельности мы научились быть весьма убедительными в просьбах, обращенных к тем, кто нам сочувствует, поработать на нас бесплатно. По всей стране у нас имеется довольно широкая сеть людей, согласных на подобные условия. Мы надеемся, что ученые и эксперты также хотя бы сократят свои гонорары, учитывая, что речь идет о помощи невинно осужденным, но такое случается редко.

Стандартная ставка Бендершмидта – 30 тысяч долларов.

– У нас они есть? – спрашиваю я у Вики.

– Конечно, – с улыбкой отвечает она. Вики всегда настроена оптимистично. Если выяснится, что нужной суммой мы не располагаем, она сядет на телефон и найдет каких-нибудь спонсоров.

– Тогда давайте найдем его, – предлагаю я.

Мэйзи со мной согласна. Мы переходим к обсуждению кандидатуры второго эксперта.

– Похоже, работа со свидетелями, за которую ты взялся, Пост, тоже будет непростой, – произносит Мэйзи. – Я хочу сказать, что ты вступил в контакт с Джун Уокер, Зеке Хаффи и Кэрри Холланд, и пока никто из них не желает с тобой говорить.

Как, наверное, и в офисах многих других организаций, в фонде «Блюститель» принято беззлобно подтрунивать друг над другом. Вики и Мэйзи неплохо уживаются, хотя стараются ограничивать общение друг с другом и пореже вступать в прямой контакт. В общем, находясь в городе, я неизбежно становлюсь мишенью для их шуток и подначек. Если бы мы все не любили друг друга, наши пикировки были бы более жесткими.

– И не говори, – со смехом отвечаю я на реплику Мэйзи. – Кстати, напомни мне, пожалуйста, последний случай, когда дело, которым мы занимались, уже на старте шло как по маслу.

– Ну, мы – черепаха, а не кролик, – замечает Вики, с удовольствием вставляя в беседу одно из своих любимых сравнений.

– Ага, – киваю я. – Прежде чем мы приняли решение заняться делом Куинси, мы три года все проверяли и перепроверяли. Ты хочешь, Мэйзи, чтобы мы добились освобождения за месяц?

– По крайней мере, покажи, что мы как-то продвигаемся вперед.

– Я еще не пустил в ход все свое обаяние.

– Когда ты снова поедешь в Сибрук? – интересуется Мэйзи.

– Не знаю. Я намерен откладывать это столько, сколько будет возможно. Там никто не знает, что мы вступили в игру, и мне бы хотелось подольше оставаться в тени.

– У тебя есть серьезные опасения? – спрашивает Вики.

– Пока сложно сказать, но я допускаю, что дело может быть опасным. Если Руссо убрала какая-то банда наркоторговцев, то эти парни все еще где-то там. В том числе и убийца. Мое появление, скорее всего, привлечет их внимание.

– Все это кажется ужасно рискованным, – вздыхает Мэйзи.

– Так оно и есть. Однако с риском связано большинство дел, которыми мы занимаемся. Наши клиенты сидят в тюрьме, хотя на спусковой крючок нажал кто-то другой. Убийцы же остаются на свободе и смеются, потому что копы схватили и отправили в камеру не того парня. Если они узнают, что какой-то адвокат, который занимается освобождением невинно осужденных, копается в старом деле, им это наверняка не понравится.

– Просто будь осторожен, – говорит Вики.

Для меня совершенно очевидно, что и она, и Мэйзи уже давно переживают, хотя стараются этого не показывать.

– Я всегда осторожен. Ты будешь сегодня что-нибудь готовить?

– Извини, нет. Наши планы придется отложить.

– У нас сегодня замороженная пицца, – сообщает Мэйзи. Стряпать она не любит и, имея четвертых детей, частенько берет готовые блюда в тех отделах супермаркетов, где находится сильно охлажденная еда.

– А где Джеймс? – интересуюсь я.

Несколько лет назад Мэйзи и ее муж стали жить отдельно и попытались развестись. У них это не получилось, но жить вместе получается еще хуже. Мэйзи понимает, что я не просто пытаюсь совать нос в ее дела и меня эта тема действительно волнует.

– Он то приходит, то уходит. Проводит время с детьми.

– Я молюсь за вас, ребята.

– Знаю, Пост. А мы молимся за тебя.

Я не держу еду в своем «пентхаусе». Поскольку дома я бываю крайне редко, она бы постоянно портилась. На сей раз мне не удалось перекусить у моих коллег, и я работаю до темноты, а затем отправляюсь на долгую прогулку по старым кварталам города. До Рождества остается всего две недели, и в воздухе разлита прохлада. Хотя я живу в Саванне уже двенадцать лет, город я так и не изучил. Я слишком часто бываю в разъездах и потому до сих пор не смог отдать должное его богатой истории и своеобразному очарованию. Кроме того, при моем, можно сказать, кочевом образе жизни сложно обзаводиться друзьями. Но я знаю, что мой первый друг – дома и будет рад моей компании.

Лютер Ходжес нанял меня, когда я еще учился в семинарии, и уговорил приехать в Саванну. Теперь он уже отошел от дел. Его жена умерла несколько лет назад. Лютер живет в небольшом коттедже, который принадлежит епархии и расположен в двух кварталах от Чиппева-сквер. Лютер ждет меня на крыльце. Ему явно не терпится выбраться из дома.

– Привет, падре! – говорю я, и мы обнимаемся.

– Здравствуй, сын мой, – благочестиво произносит Лютер.

Это наши обычные приветствия.

– Ты выглядишь похудевшим, – говорит Ходжес. Он всерьез беспокоится по поводу моего образа жизни – плохого питания, дефицита сна, стрессов.

– Про вас, конечно же, такого не скажешь, – отвечаю я. Мой друг похлопывает себя по животу.

– Не могу заставить себя отказаться от мороженого.

– Между прочим, я умираю от голода. Пойдемте скорее.

Держа друг друга под руку, мы идем по тротуару вдоль Уитакер-стрит. Лютеру уже под восемьдесят, и во время каждого следующего своего визита к нему я отмечаю, что двигается он чуть медленнее, чем в прошлый раз. Лютер слегка прихрамывает, ему нужна операция по замене коленного сустава на искусственный, но, по его собственным словам, в запасных частях нуждаются только старые пеньки. Еще он любит говорить по этому поводу: «Ты меня, старика, в эти дела не впутывай».

– Ты где был? – спрашивает Лютер.

– Как обычно. То тут, то там.

– Расскажи мне о деле, – просит он. Лютер восхищается моей работой и хочет знать все последние новости, относящиеся к ней. Ему известны имена клиентов фонда «Блюститель», и он внимательно отслеживает развитие событий с помощью Интернета.

Я сообщаю ему о Куинси Миллере и о том, что на начальной стадии работа над делом продвигается с трудом, что довольно типично. Лютер внимательно слушает и сам почти ничего не говорит. Многие ли из нас могут похвастаться тем, что у них есть настоящий друг, которому нравится то, что вы делаете, и который готов слушать вас часами? То, что у меня есть Лютер Ходжес, – это благословение божье.

Я излагаю основные аспекты дела, не раскрывая при этом никаких конфиденциальных сведений, а затем спрашиваю Лютера о его работе. Каждый день по несколько часов он занимается тем, что пишет письма мужчинам и женщинам, находящимся за решеткой. Лютер видит в этом свою миссию и осуществляет ее преданно и целеустремленно. Он тщательно ведет архив переписки и имеет копии всей корреспонденции. Тот, кто внесен в список Лютера, получает письма и поздравительные открытки в день рождения и на Рождество. Если бы у старика были деньги, он бы посылал их всем обитателям тюрем.

На данный момент в его списке шестьдесят имен. Одного из числившихся в нем заключенных не стало на прошлой неделе. Молодой человек, отбывавший наказание в штате Миссури, повесился. Когда Лютер говорит об этом, голос его дрожит и прерывается. Заключенный в письмах пару раз поднимал тему самоубийства, и Лютер был всерьез этим обеспокоен. Он даже неоднократно звонил в тюрьму в надежде, что ему помогут как-то успокоить молодого человека, но ничего не добился.

Мы спускаемся к реке Саванна и шагаем по вымощенной булыжником улице, тянущейся вдоль берега, у самой воды. Здесь находится наше с Лютером любимое кафе, где подают морепродукты. Заведению уже не один десяток лет. Именно сюда Лютер пригласил меня во время моего первого посещения города. Когда мы подходим к двери кафе, он говорит:

– Я плачú.

Лютер в курсе моей финансовой ситуации.

– Ну, если вы настаиваете, – отвечаю я.

Глава 11

Создается впечатление, что студенческий городок Университета Содружества Виргинии занимает львиную долю территории центральной части Ричмонда. В январский полдень я пытаюсь найти дорогу в Департамент криминалистики, находящийся на Уэст-Мэйн-стрит. Кайл Бендершмидт возглавляет его уже двадцать лет и правит им железной рукой. Его кабинет занимает всю угловую часть этажа. Секретарша предлагает мне кофе. Я и не думаю отказываться. Ровно в три часа дня появляется знаменитый криминалист и с улыбкой приветствует меня.

Доктору Бендершмидту лет семьдесят. Он строен, энергичен и все еще одевается как студент, которым был когда-то давно: накрахмаленные брюки цвета хаки, мокасины, рубашка с пуговицами на воротнике. Хотя Бендершмидт весьма востребован как эксперт, он не утратил вкуса к преподавательской работе и каждый семестр ведет два курса. А вот выступать в судах не любит и всячески пытается избегать дачи свидетельских показаний перед присяжными. Мы оба прекрасно понимаем, что, если дело дойдет до повторного судебного процесса по делу Куинси Миллера, это, скорее всего, произойдет лишь через несколько лет. Обычно Бендершмидт изучает то или иное дело, готовит список замечаний, предлагает свои выводы и мнения по тем или иным спорным вопросам, а затем переходит к рассмотрению следующего кейса, предоставляя юристам выполнять их работу.

Я следую за Бендершмидтом в небольшой конференц-зал. Там на столе лежит пачка материалов, которые я отправил ему три недели назад: фотографии и диаграммы с места преступления, снимки фонарика, протокол результатов вскрытия, а также протоколы судебных заседаний – почти 1200 страниц.

– Ну и что вы по этому поводу думаете? – спрашиваю я, указывая на бумаги.

Бендершмидт улыбается и качает головой:

– Я прочитал все, и мне не совсем понятно, как так получилось, что мистера Миллера осудили. Но, с другой стороны, этот случай нельзя назвать необычным. А что все-таки произошло с фонариком?

– В хранилище вещдоков, где копы держали улики по данному делу, возник пожар. Фонарик в итоге так и не нашли.

– Да, я прочитал в материалах и об этом тоже. Но что же было в действительности?

– Этого я пока не знаю. Мы не расследовали все обстоятельства, связанные с пожаром, и, вероятно, не сможем этого сделать.

– Что ж, в таком случае давайте допустим, что пожар был устроен нарочно и кому-то было нужно, чтобы фонарик исчез. Без него прямых указаний на Миллера как на убийцу нет. Что полицейские выиграли, уничтожив фонарик и не дав присяжным взглянуть на него?

Я чувствую себя как свидетель, которого подвергают перекрестному допросу и пытаются поймать на вранье.

– Хороший вопрос, – говорю я и отхлебываю кофе. – Поскольку нам приходится делать допущения, давайте предположим, что полицейские не хотели, чтобы эксперт со стороны защиты получил возможность внимательно рассмотреть предмет, о котором идет речь.

– Но ведь никакого эксперта со стороны защиты не было, – возражает Бендершмидт.

– Конечно, нет. Подсудимый был бедным человеком, адвоката ему назначил суд. Выделить средства для привлечения эксперта в интересах защиты судья отказался. Копы, вероятно, предвидели такой поворот событий, но решили не рисковать. Они подумали, что смогут найти эксперта вроде Норвуда, он с радостью проведет анализ по фотографиям и сделает выводы, базируясь только на них.

– В ваших рассуждениях есть логика.

– Мы ведь с вами лишь предполагаем, доктор Бендершмидт. На данный момент это все, что мы можем сделать. Не исключено, что эти мелкие брызги крови на фонарике принадлежат не убитому, а кому-то другому.

– Совершенно верно, – отвечает он с улыбкой, словно у него уже возникла какая-то догадка. Бендершмидт берет увеличенную фотографию двухдюймовой линзы фонарика. – Мы – я и кое-кто из моих коллег – изучили этот снимок, используя возможные способы увеличения четкости изображения. Так вот, я даже не уверен, что эти брызги – человеческая кровь, да и вообще кровь.

– Но если это не кровь, то что же это такое?

– Сложно сказать. Не факт, что фонарик вообще побывал на месте преступления. Не известно, откуда он взялся и почему на поверхности его линзы появилась кровь – если, повторяю, это действительно кровь. Количество вещества настолько ничтожно, что определить наверняка нет никакой возможности.

– Если это брызги крови, получается, что они должны были попасть и на дробовик, и на убийцу?

– Весьма вероятно, но мы никогда этого не узнаем. Ведь ни дробовика, ни одежды преступника в распоряжении следствия не было. Но нам известно, что орудием убийства был дробовик, поскольку стреляли картечью. В результате двух выстрелов из дробовика в таком сравнительно небольшом замкнутом пространстве количество крови должно было быть огромным, она должна была залить все вокруг. Полагаю, фотографии это доказывают. Удивляет, однако, то, что отсутствуют кровавые отпечатки обуви убийцы – уходя, он должен был бы их оставить.

– В описании места преступления об этом не сообщается.

– В таком случае я должен заметить, что убийца, похоже, предпринял весьма серьезные усилия для того, чтобы замести следы. Отпечатков пальцев нет, так что он, наверное, действовал в перчатках. Отпечатков обуви тоже нет – значит, подошвы его сапог или ботинок были чем-то защищены. В общем, преступник был на редкость опытным и изощренным.

– Если в деле были замешаны члены какой-нибудь банды преступников, они могли нанять профессионала.

– Ну, это уж вы разбирайтесь. Я в такие дебри не лезу.

– А мог преступник стрелять из дробовика одной рукой, а в другой в это время держать фонарик? – интересуюсь я, хотя ответ на данный вопрос совершенно очевиден.

– Это крайне маловероятно. Но речь идет о маленьком фонарике с двухдюймовой линзой. Можно, зажав его в руке, той же самой рукой придерживать дробовик за цевье. Это допущение, оно укладывается в картину преступления, изложенную обвинением. Однако у меня есть серьезные сомнения в том, что фонарик вообще был на месте преступления во время его совершения.

– Норвуд засвидетельствовал, что на фонарике присутствуют мелкие брызги крови жертвы.

– Норвуд в очередной раз ошибся. Его самого следовало бы посадить в камеру.

– Ваши с ним пути пересекались?

– Да. Дважды. Я опроверг два его заключения, из-за которых в обоих случаях подсудимых отправили в тюрьму. Но они оба все еще находятся за решеткой. Во времена его популярности Норвуда хорошо знали в определенных кругах, но таких, как он, было много. К счастью, теперь он отошел от дел, однако многие типы, которые занимаются тем же самым, все еще остаются в обойме. Когда я об этом думаю, мне просто плохо становится.

Затем Бендершмидт обрушился с уничтожающей критикой на недельные семинары, при помощи которых офицеры полиции, следователи, да что там – все, у кого найдутся деньги, чтобы оплатить участие, – могут в сжатые сроки пройти обучение, получить соответствующий сертификат и объявить себя экспертами-криминалистами.

Наконец, выпустив пар, Бендершмидт продолжает разговор, касающийся того дела, по поводу которого я к нему приехал.

– Со стороны Норвуда было крайне безответственно заявить жюри присяжных, что брызги на фонарике – это кровь Руссо. – Он качает головой, и в этом движении отчетливо читаются изумление и отвращение. – Возможности научно доказать это просто не существует.

Норвуд на суде сказал, выступая перед присяжными, что мелкие брызги крови не могут разлетаться по воздуху более чем на сорок восемь дюймов. Именно так было принято считать в то время, когда проходил процесс над Куинси Миллером. А значит, если верить Норвуду, ствол дробовика находился в непосредственной близости от жертвы. Однако в действительности все обстоит иначе, поясняет Бендершмидт. Степень разлета брызг крови в каждом конкретном случае может очень сильно различаться. Поэтому упомянутое утверждение Норвуда по поводу сорока восьми дюймов – грубая ошибка.

– Здесь действует много факторов, а потому нельзя сделать какие-то конкретные, совершенно определенные выводы, – подытоживает он.

– Ну и каково же ваше мнение?

– Я думаю, показания Норвуда, которые он дал перед присяжными, не имеют под собой научного обоснования. И еще я уверен, что невозможно установить, был ли этот фонарик на месте преступления. Также нельзя исключать возможности того, что брызги крови на нем – и не кровь вовсе. В общем, мнений у меня хватает, мистер Пост. Я изложу их простым и понятным языком, не оставляющим никаких сомнений.

Взглянув на часы, Бендершмидт сообщает, что ему необходимо сделать телефонный звонок, и интересуется, нет ли у меня на этот счет возражений. «Разумеется, нет», – говорю я. Пока Бендершмидт отсутствует, я достаю и в очередной раз изучаю кое-какие свои пометки – в основном это вопросы, на которые я не в состоянии ответить. Не может этого сделать и Бендершмидт, но мне интересно узнать, что он думает – тем более что я за это плачу. Мой собеседник возвращается через пятнадцать минут с чашкой кофе.

– Итак, что не дает вам покоя? – спрашиваю я. – Забудьте о науке, давайте поразмышляем и попробуем сделать кое-какие предположения.

– Это почти так же интересно, как заниматься наукой, – усмехается Бендершмидт. – Вопрос первый: почему, если полицейские подбросили в багажник машины Миллера фонарик, они не подложили и дробовик?

Тот же самый вопрос я задавал себе сотни раз.

– Наверное, опасались, что им не удастся доказать, что оружие принадлежит именно Миллеру. Я уверен, что дробовик не был зарегистрирован. А может, его было просто труднее подсунуть в багажник. Все-таки фонарик меньше по размеру, а потому подбросить его намного проще. Фицнер, шериф, показал под присягой, что обнаружил фонарик, когда изучал содержимое багажника.

Бендершмидт внимательно слушает меня и кивает.

– Что ж, это звучит вполне правдоподобно, – говорит он.

– Фонарик легко достать из кармана и сунуть под крышку багажника. С дробовиком так не получится.

– Что ж, готов с этим согласиться, – произносит Бендершмидт, продолжая кивать. – Следующий вопрос. Согласно показаниям тюремного осведомителя, Миллер заявил, что на следующий день поехал на берег залива и выбросил дробовик в океан. Но почему он не швырнул туда же и фонарик? Если исходить из допущения, что оба предмета находились на месте преступления и на них попала кровь, было бы логично избавиться сразу и от того, и от другого.

– На данный вопрос ответа у меня нет. И это – серьезная дыра в той версии, которую копы скормили осведомителю.

– И потом, почему нужно было топить дробовик и фонарик в океанском заливе, где у берега глубина небольшая и к тому же постоянно чередуются приливы и отливы?

– Да, это не очень-то разумно, – соглашаюсь я.

– Еще вопрос. Зачем использовать дробовик? Ведь выстрелы из дробовика производят много шума. Убийце повезло, что их никто не слышал.

– Ну, вообще-то, Кэрри Холланд заявила, будто что-то такое слышала, но ее показания на сей счет сомнительны. Вероятно, дробовик был выбран по той причине, что такой человек, как Миллер, воспользовался бы именно им. Киллер-профессионал взял бы пистолет с глушителем, но ведь подставить хотели не профи. Хотели сделать так, чтобы подозрения пали на Миллера.

– Что ж, согласен. А Миллер был охотником?

– Это вообще не о нем. Он говорит, что не был на охоте ни разу в жизни.

– А оружие у него имелось?

– По его словам, у него дома было два пистолета – для самозащиты. Жена Миллера засвидетельствовала, что у него был еще и дробовик, но в этом ей тоже вряд ли можно верить.

– Вы молодчина, Пост.

– Спасибо. У меня есть кое-какой опыт в подобных делах. Как и у вас, доктор Бендершмидт. Теперь, когда вам известны детали дела, мне бы хотелось услышать, каковы ваши предположения с учетом тех подробностей, которые вы узнали. Отставьте в сторону научные обоснования и расскажите, какой, по-вашему, была картина преступления.

Бендершмидт встает и, подойдя к окну, долго молча смотрит на улицу, а затем начинает говорить:

– В данном деле все было заранее продумано, мистер Пост, и именно поэтому вы вряд ли сумеете раскрыть это преступление – если только не произойдет какого-нибудь чуда. Диана Руссо рассказала весьма убедительную историю по поводу конфликта между Миллером и ее мужем. Подозреваю, что она все сильно преувеличила, однако присяжные ей поверили. Диана Руссо возложила вину на чернокожего парня, а дело происходило в городе, где преобладает белое население. И к тому же у этого чернокожего парня был мотив. Заговорщики были в курсе по поводу возможных улик, раз использовали фонарик для того, чтобы навести следствие на Миллера. Настоящий убийца не оставил после себя практически никаких следов, которые могли бы к нему привести. И это важный момент, свидетельствующий о том, что все действительно было тщательно спланировано. Если убийца и допустил какой-нибудь промах, то полицейские либо этого не заметили, либо, не исключено, скрыли оставленные на месте преступления улики. С момента убийства минуло двадцать два года, след остыл, и раскрыть это дело кажется невозможным. Вы не найдете убийцу, мистер Пост, но вам, надеюсь, удастся доказать, что ваш клиент невиновен.

– А есть шанс, что он виновен?

– Значит, у вас все же есть сомнения?

– Сомнения есть всегда. Они не дают мне спать по ночам.

Подойдя к своему креслу, Бендершмидт снова опускается в него и отпивает кофе из чашки.

– Я такого шанса не вижу, – замечает он. – Мотив слишком слабый. Да, конечно, Миллер мог ненавидеть своего бывшего адвоката. Но, отстрелив ему голову, он наверняка обрек бы себя на пребывание в камере смертников. И потом, у Миллера, по сути, есть алиби. Во всяком случае, нет ничего, что неопровержимо доказывало бы его присутствие на месте преступления в момент убийства. Так что, учитывая подробности дела, которые стали мне известны, я предполагаю, что ваш клиент этого убийства не совершал.

– Рад слышать, – улыбаюсь я.

Мой собеседник – человек вовсе не мягкосердечный. В суде он выступал в качестве эксперта чаще на стороне обвинения, нежели на стороне защиты. Бендершмидт довольно прямо-

линеен, привык говорить то, что думает, и не боится выступить с критикой других экспертов, даже если речь идет о его коллегах. Мы еще несколько минут обсуждаем другие резонансные дела, в которых важную роль играли экспертные заключения по поводу разлета брызг крови. Вскоре я понимаю, что мне пора уходить.

– Спасибо, доктор, – говорю я, собирая свои вещи. – Я знаю, что ваше время стоит дорого.

– Вы за него платите, – с улыбкой отвечает Бендершмидт.

«Еще как плачу, – думаю я, причем 30 тысяч долларов». Когда я открываю дверь, чтобы покинуть его кабинет, он произносит:

– Да, и еще одно, мистер Пост. Вообще-то это выходит за рамки оценок, которые предполагает наш контракт, однако хочу заметить: ситуация на месте событий, о которых мы с вами говорили, может оказаться опасной. Это, конечно, не мое дело, но все же, знаете ли, постарайтесь быть осторожным.

– Спасибо.

Глава 12

Я отправляюсь в еще одну тюрьму, которая включена в составленный мной короткий список. Тюрьма называется «Тулли-Ран» и расположена у подножия горного хребта Блю-Ридж в западной части штата Виргиния. Это мой второй визит в это исправительное учреждение. Благодаря Интернету количество отбывающих срок за преступления сексуального характера сейчас исчисляется сотнями тысяч. По многим причинам они плохо уживаются с заключенными, нарушившими другие статьи уголовного законодательства. Большинство штатов стараются отделить их от основной массы обитателей тюрем. В штате Виргиния их обычно отправляют в «Тулли-Ран».

Человека, который меня интересует, зовут Джеральд Кук. Это белый сорокатрехлетний мужчина. Его посадили на двадцать лет за домогательства по отношению к двум падчерицам. Поскольку выбор клиентов у меня весьма широкий, долгое время я старался избегать работы с теми, кто получил срок за сексуальные преступления. Однако со временем понял, что и в этой специфической среде есть люди, которые являются невинно пострадавшими.

В молодые годы Кук был неотесанным разгульным парнем, любителем выпить и поволочиться за женщинами. Девять лет назад он вступил в брак и, судя по всему, ошибся с выбором жены. Первые несколько лет супруги постоянно ссорились. То один, то другой объявлял о разрыве, но затем отношения возобновлялись. Оба не могли долго удержаться на одном месте работы, и вопрос денег в семье всегда стоял очень остро. Через неделю после того, как жена подала заявление на развод, Джеральд выиграл 100 тысяч долларов в государственную лотерею штата Виргиния и попытался это скрыть. Супруга моментально об этом узнала, и ее адвокаты сделали стойку. Джеральд, прихватив выигрыш, куда-то сбежал, дело о разводе тянулось своим чередом. Чтобы досадить мужу и получить хотя бы часть выигранных им денег, супруга подговорила двух своих дочерей в возрасте одиннадцати и четырнадцати лет обвинить отца в сексуальных домогательствах – при том что раньше о подобном речь никогда не шла. Девочки поставили свои подписи под письменными заявлениями, в которых в деталях рассказывалось о приставаниях и изнасилованиях. Джеральда арестовали и бросили в камеру, назначив ему явно чрезмерную сумму залога, хотя он постоянно твердил, что ни в чем не виноват.

В штате Виргиния трудно защищать тех, против кого выдвинуты такие обвинения. На суде обе девочки дали свидетельские показания, описав жуткие вещи, которые якобы прodelывал с ними отчим. Джеральд тоже выступил, опровергая эти заявления, но, будучи человеком вспыльчивым и неуравновешенным, лишь еще больше навредил себе. Его приговорили к двадцати годам. К тому времени, когда он отправился отбывать наказание, деньги, выигранные им в лотерею, давно были истрачены.

Ни одна из падчериц Джеральда не окончила среднюю школу. Старшая вела распутную жизнь. Сейчас ей двадцать один год, и она состоит во втором браке. Младшая из девочек родила ребенка и работает за минимальную зарплату в закусочной, где посетителей кормят фастфудом. Их мать владеет салоном красоты неподалеку от Линчберга. О ней говорят, что у нее язык без костей. Частный детектив, которого мы наняли для выяснения обстоятельств дела, раздобыл письменные заявления двух бывших клиентов салона. В них утверждается, что его хозяйка постоянно рассказывает весьма увлекательные истории о том, как она подставила Джеральда, выдвинув против него ложные обвинения. У нас также есть аналогичное заявление ее бывшего приятеля. Своими рассказами она его так напугала, что он предпочел поменять место жительства.

Кук привлек наше внимание два года назад, когда мы получили от него письмо из тюрьмы. Таких писем нам приходят десятка два в неделю, и они очень быстро накапливаются. Вики, Мэйзи и я стараемся уделять им как можно больше времени. Мы их читаем и отсеиваем

те, авторам которых помочь не можем. Большинство писем приходит от заключенных, которые действительно совершили преступление и у которых более чем достаточно времени, чтобы сочинять длинные послания и пытаться доказать свою невиновность. Я даже в поездки беру пачки писем и нередко трачу на их чтение то время, которое мог бы потратить на сон. У нас в фонде «Блюститель» принято отвечать на все письма без исключения.

История Кука оказалась мне правдоподобной, и я направил ему обстоятельное ответное послание. Затем мы с ним переписывались, и в итоге я получил от него копию протокола судебного заседания по его делу и другие материалы. Проведя предварительное расследование, мы пришли к выводу, что Кук, скорее всего, говорит правду и действительно невиновен. Год назад я съездил к нему, и он сразу вызвал у меня неприязнь. Кук подтвердил то, о чем писал в письмах – что он одержим мыслями о мести. Его цель заключается в том, чтобы либо расправиться с бывшей женой и падчерицами физически, либо подставить их, сфабриковав дело, связанное с наркотиками, и добиться, чтобы их посадили. Кук мечтает о том, как однажды навестит их в тюрьме. Я попытался охладить его пыл, объяснив, что мы ожидаем от тех, кого нам удастся освободить, соблюдения определенных правил и наш фонд не станет связываться с человеком, вынашивающим планы возмездия.

Большинство заключенных, которых я навещаю в тюрьмах, ведут себя смирно и благодарны мне за то, что я решил вступить с ними в личный контакт. Выяснилось, однако, что Кук по-прежнему настроен весьма воинственно. Он смотрит на меня сквозь плексигласовый экран с презрительной усмешкой и, схватив телефонную трубку, цедит:

– Почему вас так долго не было, Пост? Вы ведь знаете, что я невиновен – так вытащите меня отсюда.

– Рад вас видеть, Джеральд, – с улыбкой говорю я. – Как поживаете?

– Не надо пичкать меня вежливыми словами, все это дерьмо, Пост. Чем вы занимаетесь, пока я торчу тут вместе со всякими извращенцами? Я уже семь лет отбиваюсь от местных гомиков и прочей швали и, черт побери, уже устал от этого.

– Джеральд, возможно, нам следует начать этот разговор сначала. Вы кричите на меня, и мне это не нравится. В конце концов, вы ведь мне не платите. Я здесь добровольно. Если вы не в состоянии нормально со мной общаться, я просто уеду.

Кук опускает голову и начинает плакать. Я терпеливо жду, пока он успокоится. Кук вытирает обе щеки рукавами тюремной робы, не решаясь взглянуть мне в лицо.

– Я ведь действительно ни в чем не виноват, Пост, – говорит он дрожащим голосом.

– Верю. Иначе меня бы тут не было.

– Эта стерва подговорила своих девиц соврать, и они все втроем до сих пор смеются надо мной.

– Джеральд, я верю, что все так и было. Но для того, чтобы вытащить вас отсюда, потребуется много времени. Есть процессы, которые просто невозможно ускорить. Как я уже говорил вам раньше, осудить невиновного человека очень легко, а освободить – практически невозможно.

– Но это же просто ужасно, Пост!

– Да. Но вот в чем заключается сейчас моя проблема, Джеральд. Боюсь, если завтра вы выйдете отсюда, то совершите какую-нибудь страшную глупость. Я много раз предупреждал вас о том, что вам не следует вынашивать планы мести. Если вы все еще продолжаете их лелеять, я за ваше дело не возьмусь.

– Я не убью ее, Пост. Обещаю. Не совершу никаких идиотских поступков, из-за которых мою задницу снова запихнут в место вроде этого.

– Но?

– Что – но?

– Что вы намерены сделать, Джеральд?

– Придумаю что-нибудь. Она заслуживает того, чтобы посидеть хотя бы немного за решеткой – после того, что сделала со мной, Пост. Я не могу допустить, чтобы это просто сошло ей с рук.

– Вам придется смириться, Джеральд. Нужно будет уехать куда-нибудь подальше и забыть о вашей бывшей супруге.

– Но я так не смогу, Пост. Эта лживая сучка просто не идет у меня из головы. И две ее дочери. Я ненавижу их, каждой своей клеточкой ненавижу. Я ни в чем не виноват – и сижу в тюрьме, а эти твари живут себе как ни в чем не бывало, да еще и смеются надо мной. Где же справедливость?

Поскольку жизнь научила меня быть осторожным, я пока не являюсь адвокатом Джеральда Кука. Хотя фонд «Блюститель» потратил 20 тысяч долларов и два года на изучение подробностей его дела, мы все еще официально не взялись за него. С самого начала Кук вызывал у меня беспокойство, и до последнего момента я сохраняю возможность дать задний ход.

– Вы ведь все еще хотите отомстить, не так ли, Джеральд?

У него начинают дрожать губы, а глаза наполняются слезами. Мрачно глядя на меня, он кивает.

– Мне очень жаль, Джеральд, но в таком случае мой ответ – «нет». Я не буду представлять ваши интересы.

Его вдруг охватывает приступ гнева.

– Вы не можете так поступить, Пост! – кричит он в трубку телефона внутренней связи, затем отшвыривает ее и всем телом бросается на прозрачную плексигласовую перегородку, разделяющую нас. – Нет! Нет! Вы не можете это сделать, черт побери! Я же умру здесь!

Кук начинает колотить по перегородке. Неприятно пораженный происходящим, я машинально подаю назад.

– Вы должны помочь мне, Пост! Вы же знаете, что я невиновен! Вы не можете просто уйти отсюда и оставить меня здесь погибать. Я ни в чем не виноват! Не виноват, слышите? И вы, черт бы вас подрал, это прекрасно знаете!

Дверь у меня за спиной открывается, и в кабинке появляется охранник.

– Сядь! – кричит он Джеральду, который теперь уже изо всех сил колотит по перегородке обоими кулаками.

Дверь позади заключенного тоже распахивается. Другой охранник, войдя, сгребает Кука в охапку и выталкивает из кабинки. В тот момент, когда я выхожу из помещения для встреч с заключенными, Джеральд выкрикивает:

– Я невиновен, Пост! Невиновен!

Его голос все еще звучит у меня в ушах, даже когда я выезжаю с территории «Тулли-Ран».

Четыре часа спустя я выезжаю на территорию Коррекционного института для женщин в Райли, штат Северная Каролина. Его парковка, как всегда, забита до отказа, и я ловлю себя на том, что ворчу себе под нос что-то о том, как много денег в стране тратится на содержание исправительных учреждений. Речь идет об огромном бизнесе, в некоторых штатах он является, без всякого преувеличения, весьма прибыльным и дает местной экономике большое количество рабочих мест. В общем, если в том или ином районе имеется тюрьма, для местного сообщества это, как правило, выгодно. В США более двух миллионов заключенных. Еще миллион человек их охраняют и обслуживают, а на нужды пенитенциарной системы ежегодно расходуется 80 миллиардов долларов из налоговых поступлений.

Я считаю, что Коррекционный институт для женщин следует закрыть, как и все остальные женские тюрьмы. Немногие женщины в действительности являются преступницами. Зато многие из них совершают ошибку, выбирая себе в приятели неправильных парней.

Штат Северная Каролина отправляет женщин, приговоренных к смертной казни, именно в Коррекционный институт в Райли. Сейчас здесь в камере смертников сидят семеро, включая

нашу клиентку, ее зовут Шаста Брили. Она была осуждена за убийство своих троих детей, которое было совершено примерно в двадцати милях от того места, где она теперь содержится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.